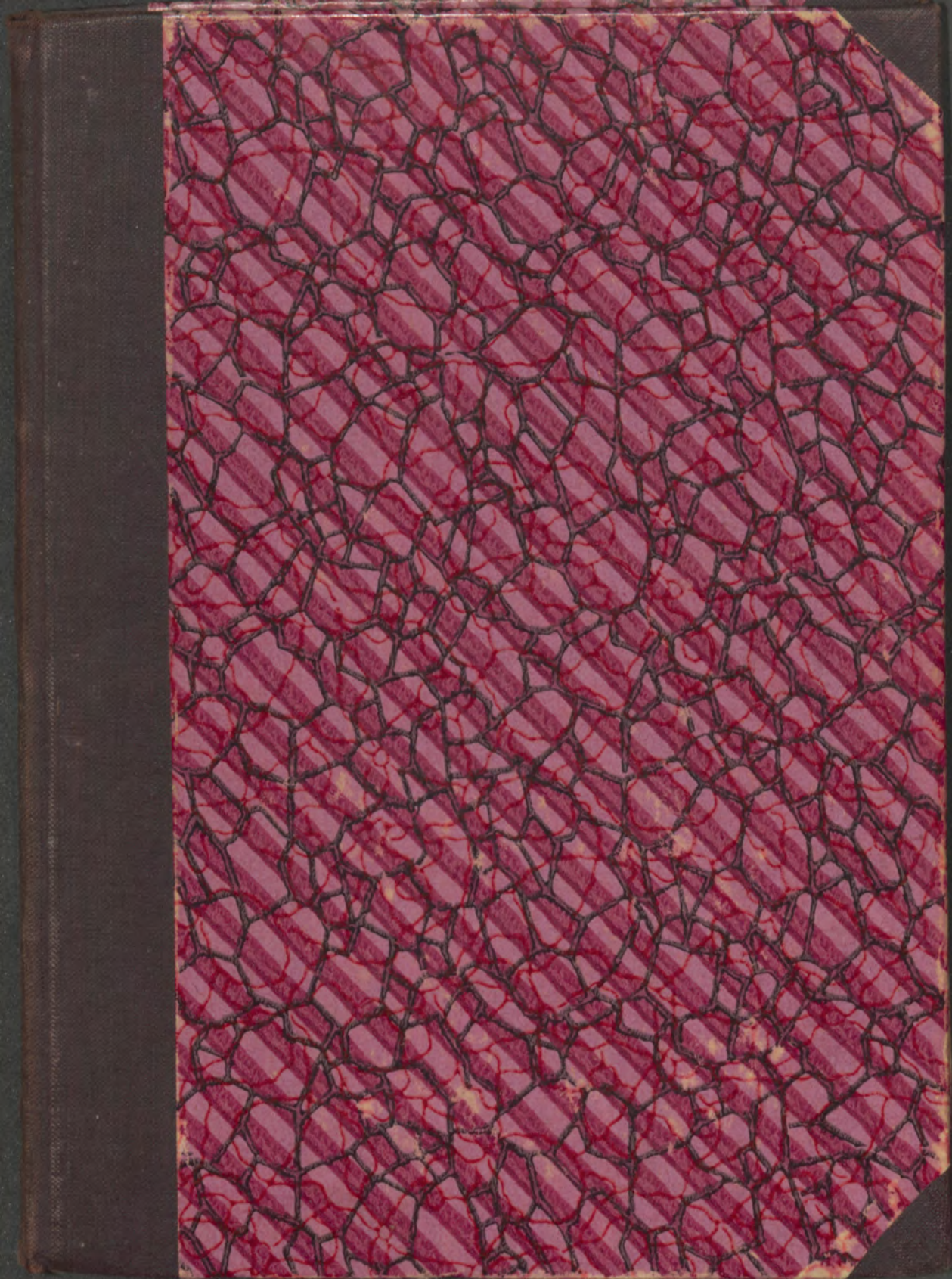

28. 76. 1. 29.

СРЕДИ ВРАГОВЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛАЗУТЧИКА РУССКОЙ АРМІИ,

ВЪ ВОЙНУ 1877—1878 ГГ.,

БЫВШАГО ВОЛОНТЕРА ГРЕЧЕСКАГО ЛЕГІОНА

К. Н. Фаврикодорова.

126/1877

СЪ КАРТИНАМИ И КАРТАМИ.

ОДЕССА,

Тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3.

1882.

СРЕДИ ВРАГОВЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛАЗУТЧИКА РУССКОЙ АРМІИ,

ВЪ ВОЙНУ 1877—1878 ГГ.,

БЫВШАГО ВОЛОНТЕРА ГРЕЧЕСКАГО ЛЕГІОНА

К. Н. Фаврикодорова.

СЪ КАРТИНАМИ И КАРТАМИ.

ОДЕССА.

Тип. П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3.

1882.

Дозволено цензурою. — Одесса, октября 24 го дня 1881 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія.

Глава I. До войны. Въ Пловештахъ. Поступленіе на службу. Первый визитъ Скобелеву. Начинаю. Переправа черезъ Дунай. Встрѣча съ пастухами. Дѣлаюсь пастухомъ.

Глава II. Виддинъ. Никополь. Систо. Рушукъ. Отправляю первое донесеніе генералу Скобелеву 2-му.

Глава III. Еще о Рушукѣ. Приѣздъ Абдуль-Керима-паши. Бомбардировка. Уѣзжаю изъ Рушука. Ловча. Саперы турецкой арміи. Плевна.

Глава IV. Болгарія. Ея населеніе. Домашняя жизнь болгаръ и ихъ властителей — турокъ. Болгарская и турецкая женщины. Гаремы и ихъ растлѣвающее значеніе. Турецкое и болгарское духовенство.

Глава V. Новое порученіе. Старые знакомые. Приобрѣтаю турецкій паспортъ. Отъ Виддина до Плевны. Плевненскія новости. Рахатъ-лукумъ. По дорогѣ въ Софію. Сулейманъ-паша. Шумла. Варна. На желѣзной дорогѣ. Адрианополь. «Комиты». Филиппополь. Главная квартира русской арміи.

Глава VI. Незавидное положеніе. Какъ я пробрался въ Плевну. Дядо Василь. Опять Рахатъ-лукумъ. Положеніе плевненскихъ болгаръ и отношенія ихъ съ турецкимъ кварталомъ. Миртовые вѣйки. «Рѣжьте гяуровъ!» Насколько виноватъ Османъ-паша въ турецкихъ звѣрствахъ.

и Глава VII. Въ осажденной Плевнѣ. Сношенія мои съ русской главной квартирой. Положеніе турецкой арміи. Награда Осману-пашѣ. Военный совѣтъ 13 ноября. Неудачная попытка. Встрѣча русскихъ войскъ.

Вмѣсто предисловія.

Въ началѣ 1877 года, когда патріотическое движеніе охватило всю Россію, и для всякаго русскаго стало необходимою принести извѣстныя жертвы, я, для котораго Россія стала вторымъ отечествомъ, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ наступающей драмы и счелъ своею священною обязанностью предложить себя къ услугамъ русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что цѣли войны клонились къ освобожденію изъ-подъ турецкаго ига той страны, гдѣ я впервые увидѣлъ свѣтъ и научился ненавидѣть турокъ.

Двадцать два года, проведенные въ мирныхъ трудахъ и занятіяхъ хлѣбопашествомъ и торговлею, не прошли безслѣдно для волонтера Греческаго легіона Императора НИКОЛАЯ I, когда-то съ увлеченіемъ дравшагося на бастіонахъ Севастополя... Сердце, пожалуй, и сохранило прежнюю беззаботность и пылъ, но силы были уже не тѣ. Наконецъ, военное искусство за это время далеко ушло впередъ, а начинать съизнова, въ 42 года, какъ-то не хотѣлось. Поэтому мечты о поступленіи въ ряды арміи, при всемъ желаніи, пришлось оставить и поискать другаго дѣла, другихъ обязанностей.

Обстоятельства сложились, почти независимо отъ меня (какъ ниже будетъ видно), такимъ образомъ, что мнѣ выпало служить въ роли лазутчика, роли, которую многіе считаютъ почему-то не особенно почетною.

Предоставляя читателямъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ, т. е. насколько роль лазутчика почетнѣе или не почетнѣе, честнѣе или нечестнѣе роли, напримѣръ, солдата или офицера дѣйствующаго отряда, я прошу минуту вниманія, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое — лазутчикъ, для чего онъ нуженъ и какими качествами долженъ обладать, чтобы служба его приносила дѣйствительную пользу.

Лазутчикомъ называется человекъ, который подъ величайшимъ секретомъ посылается въ непріятельскую страну, чтобы развѣдать объ оборонительныхъ и наступательныхъ ея средствахъ и заблаговременно сообщить эти свѣдѣнія своимъ.

Зная силы врага, движеніе отрядовъ войскъ, матеріальныя ихъ средства, противная сторона можетъ дѣйствовать почти навѣрняка и маневрировать сообразно обстоятельствамъ, не рискуя подвергнуться неудачѣ, если свѣдѣнія доставляются лазутчиками вѣрно и быстро. Это признавали лучшіе полководцы и тѣ изъ нихъ, которые на развѣдочную часть обращали большее вниманіе и старались возможно лучше ее организовать, почти не знали неуспѣха. За примѣромъ ходить не далеко. Последняя франко-прусская война краснорѣчиво доказала намъ справедливость этого положенія, и значительная часть успѣха нѣмцевъ должна быть приписана именно тому обстоятельству, что они всякую минуту знали о движеніи непріятеля и его силахъ, т. е., иначе говоря, — отлично поставленному у нихъ развѣдочному дѣлу. Они имѣли цѣлый легіонъ лазутчиковъ, платили имъ громадныя деньги, обставляли ихъ всевозможными удобствами и средствами для успѣшнаго выполненія тѣхъ порученій, которыя имъ давали, и, въ концѣ-концовъ, расходы эти вернулись съ большими процентами. Благодаря лазутчикамъ, не было ненужныхъ

передвиженій, ни разу не пришлось неожиданно вступить въ бой съ сильнѣйшимъ непріателемъ, и вся война съ неожиданностями и непріятными сюрпризами, вродѣ племенскихъ и еленинскихъ катастрофъ, для пруссаковъ свелась какъ бы на маневры, гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Потсдама.

Выборъ лазутчика — дѣло не легкое. Нуженъ человѣкъ, который могъ бы играть не только одну извѣстную роль, но, въ случаѣ надобности, счумѣлъ бы найтись во всякомъ положеніи.

Необходимо не только знаніе языка непріятельской страны и знаніе отличное, но и полное знакомство съ обычаями и характеромъ жителей. Умѣнье перенять всѣ ихъ племенные особенности, чтобы, такъ сказать, не казаться только, а, въ дѣйствительности, *быть* тѣмъ, чѣмъ заставляютъ быть условія минуты.

Нужно ли прибавлять, что лазутчикъ долженъ обладать извѣстною смѣлостью, твердою волею и способностью на столько увлекаться своею ролью, чтобы и наединѣ съ самимъ собою продолжать играть эту роль, потому что опасность быть узнаннымъ можетъ придти именно въ то время, когда, въ увѣренности, что на тебя никто не смотритъ, за тобой никто не слѣдитъ, ты сбросишь маску, чтобы отдохнуть отъ этой опасной игры.

Наибъ главный штабъ въ войнѣ 1877—1878 годахъ, къ несчастію, мало обращалъ вниманія на развѣдочную часть, и это было причиною многихъ неудачъ.

Передъ началомъ войны, еще въ Кишиневѣ, люди, понимавшіе серьезность положенія и предугадывавшіе дѣйствительныя силы Турціи, предлагали организовать эту часть, но болѣе легкомысленные и самоувѣренные предложенію этому не дали хода. «Къ чему намъ тратиться на лазутчиковъ, говорили они, когда мы, навѣрное, въ два-

три мѣсяца кончимъ кампанію». Послѣдствія показали, какъ глубоко ошибались эти люди. Позже, штабъ и не прочь бы исправить свою ошибку, но трудно было уже найти подходящихъ людей и развѣдочныя дѣла поручались болгарамъ, не понимающимъ ровно ничего въ военномъ дѣлѣ и до того напуганнымъ турками, что если имъ и удавалось проникать въ ихъ лагерь, то, возвращаясь оттуда, они несли такую чушь, что ихъ со смѣхомъ приходилось гнать вонъ. Положиться на ихъ свѣдѣнія не представлялось никакой возможности.

Необходимо замѣтить, что роли — лазутчика во франко-прусской войнѣ — лазутчика въ войнѣ нашей съ турками, при единствѣ обязанностей, значительно различаются въ смыслѣ трудности выполненія этихъ обязанностей.

Нужно ли говорить, что исключительный бытъ нашихъ враговъ, мало извѣстный остальному міру, ставилъ русскаго лазутчика среди турецкихъ войскъ въ положеніе болѣе опасное и дѣлалъ роль его болѣе трудною, чѣмъ, напримѣръ, нѣмецкаго шпіона среди французовъ.

Не говоря уже о томъ, что нужно было знать турецкій языкъ, какъ говорится, до тонкости, а это не особенно легко, но, что самое главное, нужно полное знакомство съ типичными особенностями турецкаго характера, ихъ вѣрою, религіозными обрядами съ массою чисто техническихъ приемовъ молитвы, безчисленныхъ «умовеній» и т. п., гдѣ каждую минуту малѣйшій промахъ, незначительная невѣрность уже колетъ глазъ и могутъ навести, вообще, очень подозрительнаго турка на весьма непріятныя для особы лазутчика размышленія.

Наконецъ, да не сочтутъ это абсурдомъ, въ случаѣ поимки, гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ образованными націями, чѣмъ съ изувѣрами-мусульманами... Первые — только повѣсятъ или разстрѣляютъ, а послѣдніе зажарятъ

на шипъ *)... Смѣю увѣрить, что перспектива быть повѣшеннымъ несравненно болѣе успокоительна и менѣе утрачиваетъ, чѣмъ медленная смерть на крючьяхъ, надъ пылающимъ костромъ, среди скалящихся зубы горбоносыхъ, черноглазыхъ лицъ. Много разъ мнѣ приходилось наблюдать тотъ и другой родъ мученій, и я видѣлъ разницу.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, врядъ ли мнѣ можетъ быть сдѣланъ упрекъ за ту обязанность, которую я принялъ на себя. Болѣе или менѣе удачное выполненіе ея требуетъ не меньшей отваги, чѣмъ, на примѣръ, при атакѣ грудь съ грудью непріятеля, но въ послѣднемъ случаѣ дышется гораздо легче и менѣе сознаешь опасность, которой подвергаешься, да, наконецъ, — «на міру, какъ говорится, и смерть красна». Я испыталъ и то и другое и, если мнѣ не измѣняетъ память, то на бастіонахъ чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе и менѣе переболѣлъ душою, чѣмъ въ эту послѣднюю войну.

Полагая, что правдивый рассказъ о моихъ похожденияхъ доставить нѣкоторое удовольствіе публикѣ, я рѣшился издать эту книжку, побуждаемый къ тому же неотступными просьбами друзей, которые помогли мнѣ какъ совѣтами, такъ и карманомъ, за что и приношу имъ искреннюю благодарность.

Константинъ Фаврикодоровъ.

ОДЕССА.

16 сентября 1881 года.

*) Желѣзные палочки, на которыхъ готовятъ «шашлыкъ» — употребительное блюдо изъ баранины на Востокѣ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

СРЕДИ ВРАГОВЪ.

ГЛАВА I.

До войны. Въ Плоештахъ. Поступленіе на службу. Первый визитъ Скобелеву. Начинаю. Переправа черезъ Дунай. Встрѣча съ пастухами. Дѣлаюсь пастухомъ.

Я родился въ Македоніи, въ гор. Мерликин, отъ довольно зажиточныхъ родителей, которые позаботились дать мнѣ кое-какое воспитаніе, возможное въ небольшомъ провинціальномъ городѣ.

До 20 лѣтъ я жилъ при родныхъ, помогая имъ въ торговлѣ и часто разъѣзжая по Турціи, что дало мнѣ возможность хорошо изучить какъ турецкій языкъ, такъ и почти всѣ нарѣчія Балканскаго полуострова. Передъ севастопольскою войною, въ силу извѣстныхъ увлеченій, я поступилъ въ Греческій легіонъ Императора НИКОЛАЯ I, прибылъ въ Россію и участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, гдѣ былъ раненъ на аванпостахъ при Черной рѣчкѣ ружейною пулей на вылетъ выше локтя лѣвой руки и удостоился получить св. Георгія 4-й степени.

По окончаніи этой, славной — по дѣламъ, по неудачной — по результатамъ, войны, я остался въ Россіи, тѣмъ болѣе, что возвращаться на родину было не совсѣмъ безопасно, и поселился въ Кишиневѣ. Тутъ я женился, обзавелся семьей и мирно прожилъ двадцать два года.

Послѣдняя война заставила меня вспомнить старину. Я долго колебался, удерживаемый женою и друзьями, но, наконецъ, натура взяла таки свое.

Ликвидировавъ дѣла, я отправился въ Плоешти, гдѣ мнѣ посовѣтовали обратиться къ начальнику вожатыхъ дѣйствующей арміи, полковнику генеральнаго штаба Артамонову, которому я могъ быть полезенъ, при знаніи языковъ, въ качествѣ переводчика.

Именно въ этомъ смыслѣ я и предложилъ свои услуги, явившись къ Артамонову на второй же день по пріѣздѣ моемъ въ Плоешти, гдѣ какъ-разъ въ то время расположена была и главная квартира.

Полковникъ обстоятельно распрашивалъ меня, какъ-бы изучая — съ кѣмъ имѣеть дѣло.

Должно быть, впечатлѣнія сложились въ мою пользу, такъ какъ послѣ минутнаго раздумья, онъ предложилъ мнѣ садиться. Самъ усѣлся какъ-разъ насупротивъ и еще разъ осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ, вопросомъ, если хотите, весьма недалекимъ отъ прямого предложенія.

— «А чтобы вы сказали, почтеннѣйшій, еслибы я предложилъ вамъ сдѣлать небольшую прогулку по Болгаріи? Вы говорите, что хорошо знаете турецкій языкъ, такъ же хорошо, какъ турокъ, и потому, при встрѣчѣ съ ними, для васъ не составило бы особеннаго труда выдать себя за турка и сойтись покороче... Вы могли бы доставлять намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о томъ — что они подѣлываютъ на *той* сторонѣ и этимъ оказали бы *намъ* весьма цѣнныя услуги, которыхъ мы никогда не забудемъ...

— «Но, полковникъ, возразилъ я, вы, значить, попросту говоря, предлагаете мнѣ быть шпиономъ.... кажется...

— Ахъ, оставьте вы это глупое слово! Вовсе не шпиономъ, а лазутчикомъ... вожатымъ русской арміи, сражающейся за освобожденіе вашихъ же братьевъ...

Слово за слово, — черезъ полчаса я уже не видѣлъ въ предложеніи начальника вожатыхъ ничего страннаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго. Напротивъ, предложеніе это даже польстило мнѣ.. Я видѣлъ въ немъ безграничное довѣріе къ своей особѣ, и, нужно ли говорить, отдалъ себя съ руками и ногами, въ полнѣйшее распоряженіе штаба.

— «Завтра утромъ, пораньше, заходите ко мнѣ, получите инструкціи», заключилъ наше свиданіе полковникъ Артамоновъ, и я раскланялся.

Сказать — что я чувствовалъ себя особенно счастливымъ, получивъ такое своеобразное назначеніе, — значило бы погрѣшнить противу истины.

Вѣриѣ, — я былъ ошеломленъ и въ первое время рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета — чего отъ меня хотятъ и что мнѣ придется дѣлать.

Я радовался, что буду дѣйствующимъ лицомъ въ предстоящей борьбѣ, но смутно сознавалъ, что, давая согласіе служить лазутчикомъ, я, такъ сказать, самъ бросался въ пропасть, не измѣривъ ея глубины.

Мысль о будущемъ моемъ положеніи не оставляла меня ни на минуту, какъ я ни старался гнать ее отъ себя. Воображеніе разыгралось. То я уже видѣлъ себя среди враговъ, готовыхъ броситься на чужаго человѣка, проникнувшаго, Богъ знаетъ, для чего въ ихъ лагерь; то болѣе лестныя картины рисовались въ разгоряченной головѣ.. Картины успѣха, наградъ и благословеній цѣлой Россіи... Я такъ и уснулъ или, вѣриѣ, забылся на постелѣ въ своемъ номерѣ.

Во снѣ мнѣ чудилось, что я узнанъ турками и меня тащутъ на висѣлицу. Перекладина, веревка и прочіе атри-

буты — какъ на яву. Сонъ до того походилъ на дѣйствительность, что чувствовалась даже боль отъ пригосновенія палачей. Исполненію казни что-то помѣшало, и я проснулся весь въ поту и съ лихорадочнымъ пульсомъ.

Утро было превосходное. На небѣ — ни облачка, какъ бы въ пику румынамъ, окрестившимъ свой городъ названіемъ «дождливый» *).

Въ первую минуту, подѣ впечатлѣніемъ минувшей ночи, я хотѣлъ уже отказаться отъ дальнѣйшихъ сношеній съ начальникомъ вожатыхъ, но стыдъ нарушить данное слово и отступить, не начавъ дѣла, скоро изгналъ эту постыдную мысль.

Наскоро одѣвшись и забѣжавъ въ сосѣднюю кофейню выпить чашку кофе, въ 8 часовъ утра я былъ уже у Артамонова.

На этотъ разъ свиданіе продолжалось весьма не долго. Поблагодаривъ меня за аккуратность и пожелавъ успѣха, онъ вручилъ мнѣ готовый и запечатанный уже конвертъ къ генералу Скобелеву 2-му, отъ котораго я долженъ былъ получить дальнѣйшія, болѣе подробныя приказанія, и просилъ отправиться немедленно въ Журжево, гдѣ въ то время была квартира этого героя туркестанской войны, занимавшаго въ дунайской арміи, пока, скромный постъ начальника штаба журжевскаго отряда.

29-го мая ночью по желѣзной дорогѣ я пріѣхалъ въ Журжево. Утромъ, 30-го, безъ труда розыскавъ квартиру генерала, я явился къ нему и вручилъ пакетъ, данный мнѣ полковникомъ Артамоновымъ.

М. Д. Скобелевъ жилъ на бульварѣ, раскинувшемся по берегу Дуная. Не смотря на ранній часъ, я засталъ его уже за работой. Вмѣстѣ съ отцомъ, пока его начальни-

*) Плоешти по-румынски значитъ дождливый.

комъ, онъ сидѣлъ у стола, заваленнаго планами и бумагами. Принявъ отъ меня пакетъ, онъ быстро прочелъ заключающуюся въ немъ бумагу, содержаніе которой видимо касалось моей личности, и съ всегдашнею своею любезностью и радушіемъ предложилъ мнѣ садиться.

— «Вы, значить, тотъ самый Фавригодоровъ, о которомъ пишетъ мнѣ начальникъ вожатыхъ?... Ну-съ, очень пріятно. Придется очень и очень поработать. Не скрою, что порученіе ваше сопряжено съ большими опасностями... Но вамъ, какъ старому солдату, опасность — не въ диковину», похвасталъ мнѣ генералъ.

Я поклонился и отвѣтилъ, что съ этой поры всѣ силы мои будутъ направлены къ возможно лучшему выполнению тѣхъ порученій, которыя соблаговолитъ дать его превосходительство.

Въ общихъ чертахъ онъ разъяснилъ мнѣ мои будущія обязанности. Мнѣ предстоитъ проникнуть въ страну, занятую непріателемъ, развѣдать о его силахъ, составѣ и численности войскъ, именахъ нашей, обратить особенное вниманіе на укрѣпленные пункты, высмотрѣть слабыя стороны этихъ пунктовъ и всѣ свѣдѣнія возможно чаще сообщать или ему, Скобелеву, или полковнику Артамонову.

— «Теперь», прибавилъ генералъ, «вы пойдите отдохнуть и подготовиться въ дорогу, а также подумайте, какъ и гдѣ лучше для васъ переправиться на ту сторону. Вечеркомъ я снабжу васъ билетомъ для пропуска черезъ наши аванпосты, но рекомендую возможно рѣже обращаться къ этому билету, такъ какъ успѣхъ вашего порученія всецѣло зависитъ отъ тайны и чѣмъ меньше людей о немъ знаетъ, тѣмъ лучше. По сую сторону шныряетъ пропасть турецкихъ шпионовъ, и — бѣда вамъ, если они о васъ «пронюхаютъ».

Вечеромъ, когда я зашелъ къ генералу, бумаги для меня не были еще готовы и пришлось ожидать слѣдующаго утра.

31-го мая я встрѣтилъ М. Д. на порогѣ его квартиры. Увидя меня изъ окна, онъ вышелъ на встрѣчу. вмѣстѣ мы прошли на берегъ. Тутъ онъ остановился и указывая на противоположную сторону Дуная, обратился ко мнѣ:

— «Вы отправитесь въ Болгарію, переправившись черезъ Дунай, гдѣ найдете возможнымъ и безопаснымъ. Постарайтесь пробраться во все придунайскіе города — отъ Виддина до Рушукъ включительно,—и, не останавливаясь по долгу въ промежуточныхъ пунктахъ, разузнайте о силахъ и средствахъ непріятеля, а также и о предполагаемыхъ передвиженіяхъ отрядовъ. Соблюдайте крайнюю осторожность, не *зарывайтесь* слишкомъ и смотрите, какъ говорится, *въ оба*. Вѣрьте больше собственному глазу, чѣмъ рассказамъ, въ особенности рассказамъ людей не военныхъ... Подумали ли вы, гдѣ переправиться черезъ Дунай?

— «Полагаю, отвѣчалъ я, что нужно направиться кругомъ, черезъ Сербію»...

— Да, здѣсь будетъ трудно, по той сторонѣ рыщутъ черкесы и баши-бузуки, и вы рискуете наткнуться на какой нибудь разъѣздъ и, не сдѣлавъ ничего, подвергнуться большимъ непріятностямъ».

Хороша непріятность, подумалъ я, быть вздернутымъ на перекладину или зажареннымъ на медленномъ огнѣ; но, конечно, не выразилъ вслухъ своихъ мыслей. Генералъ, я полагаю, тоже зналъ, какого рода непріятности могутъ быть на *той* сторонѣ.

Затѣмъ, мы вошли въ домъ и напутствуемый самыми искренними пожеланіями и получивъ билетъ, я распростился съ радушнымъ начальникомъ.

Полученіе инструкцій отъ генерала Скобелева 2-го.

«Взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ», гласить русская пословица. Какъ ни страшно казалось мнѣ будущее, полное неизвѣстности и неожиданностей, но я горячо принялся за порученное мнѣ дѣло.

Выше я сказалъ, что мѣсто переправы было мною уже намѣчено. Удобнѣе всего было переправиться гдѣ нибудь около Турно-Северина, румынскаго городка, лежащаго насупротивъ сербской территоріи.

Не медля ни минуты, я собрался и въ тотъ же день уѣхалъ изъ Журжево по желѣзной дорогѣ въ Бухарестъ, а оттуда, черезъ Питешти и Краіово, въ полдень 2-го іюня прибылъ въ Турно.

По дорогѣ, когда приходилось разговаривать съ пассажирами, я выдавалъ себя за торговца рыбою. Продолжая эту роль и по приѣздѣ въ Турно-Северинъ, я разспросилъ въ гостинницѣ «Бангакъ», гдѣ остановился закусить и немного отдохнуть, о лучшихъ рыболовляхъ въ окрестности. Услужливый хозяинъ, оказавшійся моимъ соотечественникомъ, грекомъ изъ Янины, указалъ мнѣ таковую, находящуюся верстахъ въ семи отъ города, при селеніи Калу-Гермекъ и содержащую румыномъ Іоною Мораремъ.

Нанявъ извозчика, въ 10 часовъ вечера я былъ уже на рыболовлѣ.

Хозяинъ ея, Мораръ, оказался здоровеннымъ дѣтиною, лѣтъ сорока, съ энергичнымъ и пріятнымъ лицомъ, темнымъ какъ подошва отъ загара. Онъ понравился мнѣ съ перваго раза. Мое заявленіе, что я желаю быть его постояннымъ покупателемъ, доставило мнѣ самый радушный пріемъ.

Когда рыбаки, его работники, вышли изъ хаты и мы остались одни, потягивая довольно сносное вино, я перемѣнилъ разговоръ, имѣвшій до сихъ поръ чисто дѣловой

характеръ, и заявилъ о моемъ желаніи переправиться на-
тотъ берегъ въ эту же ночь.

— «Какого дьявола нужно на томъ берегу господи-
ну?» — съ удивленіемъ спросилъ меня Мораръ, — «раз-
вѣ рыбы мало на этой сторонѣ?»

Уклончивые отвѣты не повели бы ни къ чему и толь-
ко окончательно сбили бы съ толку разсудительнаго ры-
бака. Поэтому я счелъ за лучшее сказать правду, конечно,
относительную. Вынувъ изъ кармана данный мнѣ Ско-
белевымъ билетъ и указывая на большую, приложенную
къ нему, красную сургучную печать, я сказалъ Морарю:
«это печать нашего князя Карла; онъ посылаетъ меня
развѣдать о непріятелѣ. Слѣдовательно, оказывая мнѣ ус-
лугу, ты вмѣстѣ съ тѣмъ оказываешь ее своему князю,
отечеству и даже самому себѣ».

Доводы мои подѣйствовали. Но, хотя Мораръ и не
прочь былъ послужить своему отечеству, тѣмъ не менѣе
не прочь былъ и содрать съ меня хорошей кушъ за эту
услугу.

— «Ночь темна, сказалъ онъ, «ты слышишь какъ бур-
литъ Дунай. Снесетъ далеко... Впрочемъ, дашь двадцать
«наполеоновъ» *) такъ и быть — рискну».

Я объяснилъ разсчитливому патріоту, что двадцать
«наполеоновъ» — это слишкомъ большая плата за пере-
возъ одного человѣка черезъ рѣку, хотя бы и такую ши-
рокую, какъ Дунай, но онъ упорно отстаивалъ свою цѣну.

— «Въ другое время можно и дешевле, а теперь —
война... меньше двадцати «наполеоновъ» нельзя никакъ», —
отпарировалъ онъ мои доводы.

*) Наполеондоръ — французская 20-ти франковая золотая монета —
въ большомъ ходу въ Румыніи.

Ночная переправа через Дунай.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Наконецъ, мнѣ удалось уломать его за пятнадцать «наполеоновъ» и мы ударили по рукамъ.

Въ полночь я уже сидѣлъ въ душегубкѣ, ловко управляемой мощною рукою Мораря. Нашу лодченку бросало волнами какъ какую нибудь щепку. Ежеминутно можно было ожидать, что она перекинется, и тогда пришлось бы принять весьма непріятную ванну и то, дай Богъ, чтобы дѣло кончилось однимъ купаньемъ. Дунай шутить не любитъ. Я благословлялъ ловкость рыбака и уже не жалѣлъ о «наполеонахъ». Другой, можетъ быть, взялъ бы и дешевле, но врядъ ли сдѣлалъ бы такъ хорошо свое дѣло, какъ искусный Морарь. Челнокъ, подбрасываемый волнами, быстро неся поперекъ теченія. Въ темнотѣ противоположный берегъ представлялся какою-то черною безобразною массою. Не видѣлось ни одного огонька или, вообще, какого нибудь признака человѣческаго жилища. Это, впрочемъ, было мнѣ на руку. Встрѣча съ людьми, ночью, въ моемъ положеніи, непосредственно сейчасъ же по вступленіи на непріятельскую территорію, могла окончиться для меня весьма печально, поэтому, естественно, я не особенно желалъ этой встрѣчи.

Вотъ мы и у берега. Я вылѣзаю на первый попавшійся камень, молча пожимаю рыбаку руку, — для болѣе сердечныхъ изліяній нѣтъ времени, — и лодка немедленно отчаливаетъ.

Темень страшная. На водѣ казалось какъ-то свѣтлѣе, тутъ же, внизу, почти подъ навѣсомъ скалъ, какъ говорится, зги не видно.

Я карабкаюсь наверхъ, поминутно останавливаясь, осматриваясь и прислушиваясь. Наконецъ, неровности берега скрываютъ отъ меня полосу Дуная. Почва сдѣлалась ровнѣе и камни рѣже попадаютъ подъ ноги. Тихо подвигаясь впередъ, я то поднимаюсь на гору, то снова опускаюсь

въ лоцину.. Въ сторонѣ слышался лай собакъ, гдѣ-то вправо, — довольно далеко. Мнѣ стало и жутко и радостно отъ этого лая... Необходимость ориентироваться заставляетъ меня искать встрѣчи съ людьми, но какъ-то встрѣтять меня эти люди? Окажутся ли они друзьями или недругами, готовыми схватить меня при первомъ подозрѣніи?... Если это враги — въ какой роли я долженъ предъ ними выступить?... Удастся ли мнѣ, наконецъ, обмануть ихъ? Такіе вопросы задавалъ я себѣ еще сидя въ лодкѣ, но подходящихъ отвѣтовъ не нашлось. Все зависитъ отъ случая и отъ обстоятельствъ, отъ собственной ловкости, находчивости и знанія мѣстныхъ условій и обычаевъ.

Желая выйти изъ мучительной неизвѣстности, я бодро пошелъ на лай и черезъ полчаса добрался до большой овчарни.

Нѣсколько пастуховъ, въ которыхъ безъ труда можно было признать сербовъ, ужинали около пылающаго костра.

Я привѣтствовалъ ихъ на чистомъ сербскомъ языкѣ и они пригласили меня раздѣлить съ ними скромный ужинъ. Завязался разговоръ. Физиономіи пастуховъ внушали мнѣ полнѣйшее довѣріе. Это были простые, грубоватые люди, но ужь, конечно, не предатели. Какъ только разговоръ коснулся войны, по нѣсколькимъ вырвавшимся изъ ихъ устъ фразамъ, я не могъ сомнѣваться далѣе въ истинномъ патриотизмѣ добрыхъ людей и ихъ ненависти къ туркамъ. Тогда я безъ колебаній открылся имъ. Повидимому, это не было для нихъ особенною неожиданностью. Присутствіе мое ночью въ такомъ пустынномъ мѣстѣ оправдывалось лишь исключительными цѣлями, и пастухи смутно угадывали меня, хотя ни словомъ, ни взглядомъ этого не обнаруживали.

Нужно замѣтить, что южные славяне, какъ и бывшіе повелители ихъ, турки, — донельзя любопытны, но сдер-

жанность и особаго рода деликатность, имъ свойственная, удерживаютъ ихъ отъ всякихъ распросовъ посторонняго челоуѣка, въ особенности, если этотъ челоуѣкъ, какъ я,— ихъ гость.

Когда я объявилъ моимъ новымъ знакомцамъ, что я русскій офицеръ и посланъ начальствомъ развѣдать о турецкихъ войскахъ, лица ихъ по-прежнему оставались безстрастными; только въ выразительныхъ черныхъ глазахъ проглядывало любопытство.

Я рассказалъ имъ, что русскіе въ громадныхъ силахъ раскинулись по всему сѣверному побережью Дуная и въ непродолжительномъ времени нахлынуть въ Болгарію. Вообще, конецъ владычества турокъ на Балканскомъ полуостровѣ насталъ.

По свѣдѣніямъ пастуховъ, въ Виддинѣ сосредоточена многочисленная турецкая армія, кавалерія которой рыщетъ въ окрестностяхъ, и на мою попытку проникнуть въ этотъ городъ они смотрѣли какъ на безумство. Пробовали даже отговаривать меня отъ этого опаснаго предпріятія, говоря, что я иду на вѣрную смерть.

Отдохнувъ отъ передрагъ послѣдней ночи, я принялся за подготовленіе къ дальнѣйшему путешествію. Въ головѣ у меня сложился планъ перерядиться пастухомъ и въ такомъ видѣ пробраться въ Виддинѣ. Костюмъ со всѣми принадлежностями: «карлигою» (брючекъ на длинной палкѣ для ловли овецъ), свирѣлю и т. п. снабдили меня добрые сербы, конечно, за плату, впрочемъ, весьма небольшую; у нихъ же я приобрѣлъ и 15 штукъ откормленных барановъ.

Когда я переодѣлся, — полному сходству измѣнялъ только, сравнительно, блѣлый цвѣтъ кожи на рукахъ, груди и шеѣ. Но нашли средство помочь и этому... Уложили меня на солнцепекъ и натерли березовымъ дегтемъ — не-

обходимая принадлежность каждой овчарни. (Детемъ этимъ мажутъ паршивыхъ овецъ). Часа черезъ два, благодаря этой операціи, моя грудь, а также шея и руки носили тотъ же красновато-бурый оттѣнокъ загара, какъ и у природнаго пастуха.

Въ постолахъ, заплатанныхъ штанахъ и курткѣ, въ рваной бараньей шапкѣ, изъ подъ которой выбивались включенные волосы, какъ будто не видавшіе гребня цѣлые годы, я могъ бы спокойно пройти мимо загадочнаго пріятеля, не будучи узнаннымъ.

Вечеромъ, простившись съ пастухами, не надѣявшимися, по ихъ словамъ, видѣть меня живаго, я погналъ моихъ барановъ по направленію къ рѣкѣ Тимокъ, которая служитъ пограничною чертою между Сербіей и Болгаріей.

ГЛАВА II.

Виддинъ. Никополь. Систово. Рушукъ. Отправляю первое донесеніе генералу Скобелеву 2-му.

Уже поздно ночью я достигъ Тимока и безпрепятственно перейдя ее черезъ плохой мостикъ, для прочности, должно быть, устланный соломой, былъ въ Болгаріи. Нѣсколько разъ мнѣ пришлось останавливаться, чтобы пасти свое крошечное стадо и отдохнуть самому. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, утромъ верстахъ въ двухъ показалось какое-то селеніе. Встрѣтившіеся два турка, верхомъ, должно быть купцы, на вопросъ мой: какое это село, — разсмѣялись и ругнули меня дурнемъ за то, что я чебанъ (пастухъ) и не знаю деревни. Конечно, съ моей стороны не послѣдовало протеста на эту незаслуженную брань.

Фаврикодоровъ въ образѣ чабана.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Деревня оказалась сплошь населенную болгарами и называлась «Раховицы».

Цѣлая ночь пути, пѣшкомъ, давала себя знать. Ноги такъ и подкашивались, да и ѣсть хотѣлось. Пришлось зайти въ сельскій кабачекъ, находящійся на небольшой площадкѣ у фонтана, и подкрѣпиться стаканомъ вина. Хлѣбомъ и сыромъ я запасся еще у сербовъ и несъ его въ шерстяной сумкѣ черезъ плечо, какъ и подобаетъ настоящему пастуху.

Оставаться въ деревнѣ подольше, не смотря на усталость, не хотѣлось: боялся нескромныхъ распросовъ, да наконецъ, нужно было спѣшить впередъ.

Скоро Раховицы остались далеко позади. Пройдя двѣ или три болгарскихъ деревни, къ вечеру я прибылъ въ с. Кулата и тутъ, загнавъ барановъ во дворъ деревенскаго «хана»^{*)}, расположился на ночлегъ.

Спалось превосходно. Физическая усталость поборола сердечную тревогу и, кромѣ того, понемногу я уже началъ свыкаться со своимъ положеніемъ. Успѣхъ придаетъ много смѣлости, а первые мои шаги на новомъ поприщѣ нельзя назвать неудачными.

Изъ Кулаты до Виддина остается не болѣе 6 или 7 часовъ^{**)} пути и, поднявшись раннимъ утромъ, въ 5 часовъ пополудни я уже вошелъ въ городъ черезъ ворота «Вардаръ-Баниси», какъ-разъ въ то время, когда «муэзинъ» съ вершинъ минаретовъ призывали «правовѣрныхъ» къ вѣрной молитвѣ, вскрикивая свое обычное: «Ля хи лахъ! исюрула! Аллахъ игберъ!

А «правовѣрныхъ» въ Виддинѣ собралось множество. Болѣе 80 таборовъ низама, т. е. регулярной пѣхоты, счи-

^{*)} Гостиница.

^{**) Турки и болгары опредѣляютъ разстояніе часами. Ихъ „саатъ“ или часъ равняется нашимъ 5—6 верстамъ.}

тая въ каждомъ таборѣ отъ 660 до 800 человѣкъ, съ со-
отвѣтствующею артиллеріею и парками расположились ча-
стію въ самомъ городѣ, частію въ ближайшихъ окрестно-
стяхъ. На каждомъ шагу попадались солдаты и офицеры.
Въ нѣсколькихъ мѣстахъ играла военная музыка и обу-
чались новобранцы. Между послѣдними встрѣчались и бо-
дрые шестнадцатилѣтніе, если не моложе, юноши и сѣдо-
бородые старцы. Впрочемъ, вообще, большинство солдатъ
были рослые здоровые люди съ бодрымъ и веселымъ ви-
домъ. По всему было видно, что имъ живется не дурно.
Обувь и одежда не заставляли желать ничего лучшаго.
Глядя на этихъ показныхъ молодцовъ и ихъ повенки,
какъ съ иголки, если можно такъ выразиться, ружья,
вчуже становилось страшно за *тѣхъ*, оставленныхъ по ту
сторону Дуная, *спрыхъ* солдатиковъ съ неуклюжими «крын-
ками» *).

Попадающіеся болгары имѣли какой-то припущенный,
запуганный видъ. Не сладко, видно, жилось этимъ бѣд-
нягамъ въ такой компаніи. —

На моихъ барановъ скоро нашелся покупатель, и такъ
какъ я не особенно дорожилъ, не безъ основанія полагая,
что хорошо откормленные животныя могутъ поправиться
какому нибудь низаму, съ которымъ торговаться будетъ
не такъ-то ловко, то сдѣлка тутъ же и состоялась. Заг-
навъ ихъ во дворъ купцу и получивъ деньги, я пошелъ
бродить по городу съ цѣлью *что нибудь* высмотрѣть. Од-
нако, наступившая темнота помѣшала моимъ намѣреніямъ
и пришлось отложить дѣло до утра. Ночевать я попросилъ
къ одному болгарину, имѣвшему небольшую кофейню.
Въ такихъ кофейняхъ, гдѣ продаютъ также вино и масти-
ку, собирается всевозможный людъ и тутъ не рѣдкость

*) Ружья системы Крика.

услышать самыя свѣжія новости. Вечеркомъ я уже сидѣлъ въ кофейной, пріютившись поближе къ кучкѣ болгаръ, зашедшихъ поболтать сюда за стаканомъ вина послѣ дневныхъ страховъ. Турецкихъ солдатъ не было. Имъ строго запрещалось отлучаться отъ своихъ частей и къ ночи всѣ должны были быть на мѣстахъ. Съ вечера наряжались конные и пѣшіе патрули, которые забирали кутилъ и это не мало способствовало къ водворенію порядка въ городѣ. Изрѣдка, развѣ, забѣжить въ кофейню деньщикъ (деньщики вездѣ одинаковы) выпить микроскопическую рюмочку мастики, да и тотъ скорѣе торопится домой, чтобы баринъ не потребовалъ, часомъ, трубки, а тутъ и подать некому... Бѣда! такъ отдуешь, что небо съ овчинку покажется. Дѣйствительно, мнѣ приходилось потомъ не разъ видѣть подобныя расправы съ провинившимися и я не знаю другой націи, гдѣ бы офицерство такъ жестоко обращалось со своими слугами.

Изъ разговоровъ съ болгарами я узналъ, что виддинскимъ отрядомъ командуютъ Османъ-паша, Джирити-паша и Ялдызли-паша. Османъ-паша чрезвычайно уважаемъ войсками, единственно его энергія поддерживаетъ нѣкоторую дисциплину и жители не особенно терпятъ отъ военного постоя. Крѣпость снабжена массою военныхъ припасовъ, подвозка которыхъ не прекращается и нынѣ. При арміи много англичанъ въ качествѣ медиковъ и инженеровъ.

На другой день я отправился бродить по городу и укрѣпленіямъ, расположеннымъ позади его на высотахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ турецкіе часовые гнали меня, въ другихъ же, принимая меня за чудака (дѣйствительно, съ карлигою за плечами и въ порванной одеждѣ я былъ достаточно смѣшенъ), пропускали меня за свою цѣпь, осыная насмѣшками.

Такимъ образомъ, я успѣлъ высмотрѣть, что на крѣпостныхъ валахъ находится 84 орудія новой системы и затѣмъ на четырехъ отдѣльныхъ батареяхъ — по восьми орудій на каждой.

Нѣсколько бѣлыхъ флаговъ съ краснымъ полумѣсяцемъ свидѣтельствовали, что и медицинская часть не оставлена въ забвеніи.

Запасшись необходимыми свѣдѣніями, я считалъ дальнѣйшее пребываніе свое въ Виддинѣ бесполезнымъ и рѣшилъ въ тотъ же день отправиться далѣе.

Путешествовать пастухомъ — больше не хотѣлось; роль эта слишкомъ невзрачна, чтобы надѣяться на возможность вездѣ получать свѣдѣнія такъ же легко, какъ удалось мнѣ это въ Виддинѣ, благодаря наивности часовыхъ.

Наконецъ, самое путешествіе съ баранами во главѣ — слишкомъ утомительно и совершается весьма медленно.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я добылъ себѣ лошадь, полный турецкій костюмъ зажиточнаго жителя и вооруженіе, называемое по-турецки «салахлыкъ», состоящее изъ ятагана и двухъ пистолетовъ. Всѣ эти предметы я покупалъ по частямъ и въ разныхъ мѣстахъ города, чтобы не обратить на себя вниманія, и относилъ въ уединенное мѣсто.

Съ наступленіемъ ночи я переодѣлся и, выѣхавъ изъ города, отправился далѣе по берегу р. Дуная.

Слѣдующую ночь я ночевалъ въ небольшомъ городкѣ, Ломъ-Паланкѣ, не имѣющемъ ни укрѣпленій, ни войскъ, за исключеніемъ полицейскихъ, и на другой день прибылъ въ Никополь, сдѣлавъ этотъ значительный переходъ, благодаря лишь особенной выносливости и быстротѣ коня.

Городъ Никополь расположенъ въ длинномъ ущельѣ, которое подходитъ къ самому берегу Дуная, извиваясь меж-

ду высокими каменистыми скалами. Прибрежная часть города состоитъ изъ плохихъ турецкихъ домовъ, кофеенъ и рыбацкихъ хижинъ. Внутренняя часть обстроена нѣсколько лучше и въ ней сосредоточено торговое населеніе города. Надъ Никополемъ высится цитадель «Туна-калэ» (Дунайскій замокъ), построенная на скалѣ и образующая продолговатый четырехугольникъ, усиленный старинными бастіонами. Въ 45 верстахъ отъ города находится большой, преимущественно болгарами населенный, городъ Плевна или вѣрнѣе, *Плевенъ*, имя котораго въ данную минуту изъ русскихъ офицеровъ было мало кому и извѣстно, а черезъ какихъ нибудь два-три мѣсяца на него обращено было вниманіе не только Россіи, но и всей Европы.

Дорога изъ Никополя въ Плевно идетъ по высокому берегу низовьевъ рѣки Осъмъ, которую пересѣкаетъ по прочному мосту близъ «Музелимъ Сели», а далѣе протекаетъ, почти параллельно теченію рѣки Видъ, по возвышенной нагорной равнинѣ, покрытой хорошими пастбищами.

Старая крѣпость на правомъ флангѣ никопольскихъ укрѣпленій вооружена 64 орудіями старой системы, на противоположной горѣ находятся три батареи по два орудія на каждой, тоже старой системы, заряжающіяся съ дула. Вообще, укрѣпленія не приведены въ надлежащій видъ и главною ихъ ссилою являются чисто мѣстные условія.

Въ данную минуту гарнизонъ Никополя состоялъ всего лишь изъ одного табора низама подъ начальствомъ Адыръ-бея, но каждую минуту ждали подкрѣпленій изъ Систова. На Дунаѣ противу города стояли на якоряхъ два монитора, вооруженные каждый четырьмя орудіями большого калибра.

Въ турецкомъ костюмѣ я чувствовалъ себя гораздо лучше, такъ сказать — спокойнѣе. Встрѣчающіеся болгары съ подобострастіемъ давали мнѣ дорогу, а солдаты и

даже офицеры охотно вступали въ разговоръ, во время котораго, выдавая себя за патріота и яраго приверженца войны, мнѣ легко было выпытывать различныя свѣдѣнія; поэтому я рѣшился и на будущее время изображать изъ себя османлиса, желающаго заняться подрядами для арміи.

Слѣдующій пунктъ, который мнѣ надлежало осмотрѣть, былъ гор. Систово. Онъ расположенъ какъ-разъ противъ румынскаго мѣстечка Зимницы и столь часто былъ описанъ различными какъ русскими, такъ и иностранными корреспондентами, что я не стану останавливаться надъ его описаніемъ. Въ бытность мою тамъ, проѣздомъ изъ Никополя въ Рушукъ, я нашелъ въ немъ пять таборовъ низама подъ начальствомъ Халиль-паши. Единственная батарея находилась на скалѣ, на лѣвомъ флангѣ, господствующей какъ надъ Дунаемъ, такъ и городомъ, и была почти полуразрушена. Солдаты систовскаго гарнизона, благодаря ли слабости Халиль-паши или по инымъ причинамъ, были крайне распушены и предавались разврату и пьянству. Берега Дуная благопріятствовали высадкѣ русскихъ войскъ болѣе, чѣмъ въ другихъ осмотрѣнныхъ мною пунктахъ, и поэтому въ послѣдующемъ мною донесеніи генералу Скобелеву, посланномъ изъ Рушукъ, я указывалъ на Систовъ, какъ на удобнѣйшій пунктъ для переправы русскихъ войскъ.

Рушукъ находится на правомъ же берегу Дуная, ниже впаденія въ него рѣки Ломъ. Во времена всѣхъ предъидущихъ кампаній нашихъ съ турками эта крѣпость играла не маловажную роль. Отъ нея идетъ желѣзная дорога на Варну и кромѣ того она имѣетъ непосредственное соединеніе съ Шумлой, оберегающей балканскіе проходы.

Съ паденіемъ Рушукъ теряется разомъ все значеніе дунайской оборонительной линіи. Все это турки сознавали очень хорошо и потому позаботились принять всѣ

мѣры, чтобы сдѣлать Рушукъ неприступнымъ и непреодолимымъ.

Господствуя надъ теченіемъ Дуная, крѣпость эта обстрѣливаетъ водный путь по рѣкѣ, а также замыкаетъ пути въ Шумлу, Варну и Тырново.

Въ отношеніи матеріальныхъ средствъ Рушукъ, какъ главный городъ дунайскаго вилайета, находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ дунайскіе города Болгаріи. Въ немъ находятся конторы консуловъ почти всѣхъ иностранныхъ государствъ и, благодаря ихъ присутствію, турецкіе вали, каймакалы и вообще чиновники всѣхъ ранговъ не позволяли себѣ особенныхъ безчинствъ.

Въ данную минуту городъ переполненъ войсками. Кажется, всѣ магометанскія національности имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Между скромными мундирами низама, редифа и мостафази мелькаютъ въ своихъ живописныхъ, скорѣе театральныхъ, чѣмъ военныхъ, костюмахъ албанцы и зейбеки. Глядя на арсеналь оружія у пояса этихъ воиновъ, невольно задумываешься, сколько времени понадобится, чтобы пустить его въ дѣло. Конные башибузуки и черкесы то и дѣло шныряютъ на своихъ небольшихъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ лошадкахъ, то въ городъ, то изъ города.

У пристаней и на якоряхъ противу города дымятъ военные пароходы: «Азасіесъ», «Валедіа», «Солтанъ-Семасъ», «Дунанма», «Аркадія» (принадлежавшій грекамъ во время критскаго возстанія) и «Дагестанъ». Тутъ же и 4 монитора, оставшіеся безъ дѣла за минными загражденіями русскихъ, и боявшіеся двинуться съ мѣста вслѣдствіе страха отъ миноносцевъ отчаянныхъ русскихъ моряковъ.

Войска около Рушука собрано до 150 тысячъ, которыми командуютъ: Тоналъ-паша, Вали-паша, Измиръ-паша, Мурать-паша, Халиль-паша, Салдиразанъ-паша, Нурри-па-

ша, Перлеванъ-паша, Мофишь-паша, Мержанъ-паша, Садиклы-паша, Байсерли-паша и Али-паша. Со дня на день ожидаютъ прибытія главнокомандующаго Абдуль-Керимъ-паша, часть штаба котораго уже находится въ городѣ.

Не смотря на присутствіе множества главныхъ военныхъ начальниковъ, нельзя сказать, чтобы порядокъ въ городѣ былъ образцовый. Замѣчательно, что большимъ безчинствомъ отличаются, за исключеніемъ, конечно, башибузуковъ и черкесовъ (эту недисциплированную сволочь, — орду разбойниковъ — нельзя брать во вниманіе) какъ офицеры, такъ и солдаты низама; малоазійскіе же войска и албанцы ведутъ себя сравнительно лучше. На сколько я могъ замѣтить, у арабовъ дисциплина соблюдалась гораздо строже, чѣмъ въ другихъ частяхъ и ихъ менѣе боялось населеніе.

Рѣдкая ночь проходила безъ убійствъ и жертвами весьма часто оказывались солдаты, что даетъ поводъ предполагать не особенно дружественныя отношенія нижнихъ чиновъ различныхъ таборовъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе разноплеменность турецкой арміи и горячій темпераментъ «дѣтей востока», которые при первой вспышкѣ хватаются за ятаганы.

Христіанскія женщины почти не показывались на улицѣ. Даже въ собственныхъ домахъ онѣ не пользовались совершеннымъ спокойствіемъ, въ особенности при постоѣ турецкаго офицера. Рушукскимъ жителямъ памятенъ случай, имѣвшій мѣсто за мою тамъ бытность, самаго наглаго насилія постояльца-офицера низама надъ болгарской дѣвушкой въ одномъ домѣ, неподалеку отъ Байракъ-Джемеси, насилія, недоведеннаго, къ счастью, до конца, благодаря лишь вмѣшательству двухъ арабовъ, которые, прибѣ-

жавъ на крикъ, буквально вырвали несчастную изъ рукъ гнуснаго сластолюбца.

Свободное отъ службы время офицерство, по обыкновению, проводило въ «кофейной», которую въ Рушукѣ можно встрѣтить на каждомъ шагу.

Я какъ-то зашелъ въ одну изъ такихъ кофейныхъ. Вкругомъ столиковъ и вдоль стѣнъ расположилось человѣкъ до двадцати офицеровъ разныхъ чиновъ и родовъ оружія. Большинство потягивало «мастику», запивая или разбавляя ее водой, — любимѣйшій и чуть ли не единственный турецкій напитокъ изъ спиртуозныхъ.

Мой костюмъ зажиточнаго турка далъ мнѣ возможность пріютиться около одного изъ столиковъ, а принятое мною на себя порученіе заставляло прислушиваться къ бесѣдѣ. Разговоръ, понятно, вертѣлся около войны и предстоящихъ битвахъ съ «собаками-русскими». Молодежь восторженно хвастала, что «гяурамъ» придется плохо и врядъ ли они посмѣютъ показать носъ по сю сторону Дуная. На переправу нашихъ войскъ у Галаца, о которой въ тотъ день стало тутъ извѣстно, смотрѣли какъ на удачную попытку — и только — безъ всякаго послѣдующаго стратегическаго значенія.

Пожилые офицеры не раздѣляли, однакоже, этого увлеченія молодости, помня, вѣроятно, предшествовавшіе войны, когда, быть можетъ, имъ самимъ не разъ приходилось показывать пятки этимъ гяурамъ. Глубокомысленно поглаживая свои сѣдые бороды, они подсмѣивались надъ безумными юзъ и бимъ-башами *) и сомнѣвались, чтобы падишаху довелось справиться съ московскимъ королемъ **).

*) Офицеры младшихъ чиновъ.

**) Турки называютъ нашего Императора королемъ (Московъ краль), такъ какъ по ихъ мнѣнію, на императорскій титулъ имѣетъ право одинъ только султанъ.

Развѣ уже особенная милость Аллаха. Вообще, по мнѣнію стариковъ, было бы гораздо лучше, еслибы падишахъ помирился съ русскими и бросилъ эту глупую войну.

Относительно движенія русскихъ войскъ и ихъ численности, свѣдѣнія турецкихъ офицеровъ, на сколько можно было замѣтить изъ разговоровъ, не отличались особенною тонкостью и подробностью... Ждали наступленія, предполагали переправу, но мнѣ не приходилось слышать, чтобы кто нибудь допускалъ возможность этой переправы во первыхъ — въ такомъ близкомъ будущемъ, а во вторыхъ — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она впоследствии совершилась. Общее мнѣніе было таково, что русскіе будутъ пытаться переправиться черезъ Дунай или около Рущука, и при этомъ потирались руки отъ удовольствія при мысли — какую имъ приготовили встрѣчу, или гдѣ нибудь въ низовьяхъ рѣки.

Я останавлиюсь на минуту, откладывая дальнѣйшее описаніе Рущука до слѣдующей главы, чтобы рассказать о томъ, какъ я добылъ посланца для отправки собранныхъ мною свѣдѣній генералу Скобелеву.

Настоятельная необходимость отправить эти свѣдѣнія возможно скорѣе, не давала мнѣ покоя. Я сознавалъ ихъ важность и пригодность для русской арміи, если она пожелаетъ начать переправу, даже въ томъ случаѣ, если мѣсто переправы уже заблаговременно выбрано главною квартирою.

Нѣсколько разъ мнѣ приходила въ голову мысль самому переправиться на тотъ берегъ, — лежащее на противоположной сторонѣ Журжево казалось такъ близко — но турки слишкомъ хорошо охраняли береговую линію, чтобы попытки въ этомъ направленіи могли увѣнчаться успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, они не позволятъ частному человѣку отплыть на лодкѣ отъ берега.

11-го или 12-го іюня, хорошенько не помню, возвращаясь изъ крѣпости, я зашелъ, по дорогѣ, въ бакалейный магазинъ. У дверей, на улицѣ, сидѣло нѣсколько человѣкъ, въ которыхъ безъ труда можно было признать греческихъ моряковъ. Дѣйствительно, какъ я потомъ узналъ, это были владѣльцы или капитаны судовъ, задержанныхъ турками у Рушукъ по случаю войны. Одинъ изъ этихъ молодцовъ своимъ бравымъ видомъ невольно обращалъ на себя вниманіе. Я заговорилъ съ моряками, адресуясь, преимущественно, къ понравившемуся мнѣ субъекту, котораго, наконецъ, мнѣ удалось залучить въ ближайшую кофейню. Во время разговора онъ жаловался мнѣ на убытки, принесенные ему войною и на теперешнее бездѣйствіе. Мнѣ такъ и захотѣлось открыться моему новому знакомцу, но бѣзъи въстрѣтитъ дурной пріемъ и присутствіе въ кофейной постороннихъ сдерживало мои порывы.

Изъ кофейной мы вышли вмѣстѣ.

Не желая упускать подходящаго человѣка, я пригласилъ его потолкаться отъ нечего дѣлать по городу и прогуляться въ окрестности.

Димитраки, такъ звали грека, былъ уроженецъ одного изъ Іоническихъ острововъ, жители которыхъ извѣстны за лучшихъ и неутомимыхъ пловцовъ въ цѣломъ мірѣ, поэтому то я и считалъ его «подходящимъ» человѣкомъ, такъ какъ если нельзя было переправиться черезъ Дунай на лодкѣ, то почему бы не рискнуть перебраться черезъ него *вилавъ*. Атлетическія формы Димитраки ручались, что для него подобное нутешествіе не составило бы особеннаго труда.

Когда мы были совершенно одни, я неожиданно заговорилъ съ моимъ морякомъ на его родномъ языкѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ свое званіе лазутчика русской арміи. Отнесись онъ къ этому враждебно, — не спа-

сли бы его ни сила, ни ловкость.... Рука моя судорожно сжимала рукоятку ятагана и прояви Димитраки намѣреніе предать меня, не дрогнула бы поразить его смертельно. Но, къ обоюдному нашему счастью, лицо его не выражало ничего, кромѣ самаго крайняго изумленія... За минуту передъ тѣмъ онъ поклонился бы, что говорить съ настоящимъ природнымъ туркомъ, а тутъ — вдругъ чистѣйшій греческій языкъ и — вдобавокъ — изъ устъ русскаго лазутчика... Онъ имѣлъ неоспоримое право разинуть ротъ отъ удивленія...

Всему бываетъ конецъ.... Прошли и первыя минуты изумленія и мы могли поговорить о дѣлѣ. Предположенія мои блистательно оправдались. Для Димитраки — проплыть не только Дунай, но и рѣку вдвое шире — было игрушкою. Еще мальчишкой онъ нѣсколько часовъ могъ оставаться на водѣ и чувствовалъ себя въ этой стихіи такъ же хорошо, какъ и на сушѣ. Предложенная мною сумма своимъ размѣромъ также соблазняла грека, карманы котораго, по его собственнымъ словамъ, не рвались отъ золота.

Заставивъ его дать въ сохраненіи тайны самую страшную клятву, кабая могла только придти мнѣ въ голову, мы разстались, чтобъ встрѣтиться вечеромъ.

Я приготовилъ письмо къ генералу Скобелеву и черезъ нѣсколько часовъ, найдя Димитраки въ условленномъ мѣстѣ, вручилъ ему это первое мое донесеніе, рекомендуя беречь его пуще глаза.

Въ ту же ночь, какъ я впоследствии убѣдился, храбрый морякъ вплавь пробрался въ Журжево и доставилъ письмо по назначенію, даже не замочивъ его.

ГЛАВА III.

Еще о Рушукѣ. Приѣздъ Абдуль-Керима-паши. Бомбардировка. Узъязо изъ Рушукѣ. Довча. Саперы турецкой арміи. Плевна.

Сознавая важность Рушукѣ въ стратегическомъ отношеніи, турки не пожалѣли средствъ сдѣлать его неприступнымъ. Крѣпость имѣла орудія новой системы—по 24 на каждой изъ четырехъ батарей. Каменные блиндированные погреба были переполнены боевыми снарядами. Кроме того, все окружающія городъ возвышенности имѣли отдѣльныя укрѣпленія и таковыхъ насчитывалось: 18 большихъ и 24 малыхъ.

Самое главное укрѣпленіе, въ видѣ отдѣльной крѣпости на правомъ флангѣ, называется *Лесентъ-Табіаси*, вооружено 48 орудіями и окружено цѣлою сѣтью траншей, связанныхъ между собой глубоководными дорогами, чтобы сообщеніе по нимъ сдѣлать, по возможности, безопаснымъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

На санитарную часть обращено самое серьезное вниманіе. Въ крѣпости и при войскахъ рушукскаго отряда имѣлось, по разсказамъ турецкихъ офицеровъ, 270 докторовъ и 1600 фельдшеровъ. Большинство медицинскаго персонала составляли греки. Съ каждымъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ патронами, прибывали и разныя санитарныя принадлежности. 9-го іюня мнѣ самому пришлось присутствовать при выгрузкѣ 116 огромныхъ тюковъ съ корпіей и бинтами и 360 носилокъ для раненыхъ — весьма удобныхъ и даже роскошныхъ. Носилки эти плетутся изъ шерстяной ткани и гораздо прочнѣе и лучше въ гигиеническомъ отношеніи, чѣмъ употреблявшіеся въ русской арміи. Все это новенькое — какъ будто сейчасъ вышло изъ фабрики.

Большая паровая мельница грека, капитана Яни, работала день и ночь, перемалывая подвозимое изъ окрест-

постей зерно. Но капитану Яни вряд ли нравится подобная усиленная работа, — плата ему *только* общается, и онъ давно бы остановилъ мельницу, еслибы это зависѣло отъ его воли.

Впослѣдствіи мельница эта сгорѣла отъ выстрѣловъ журжевскихъ батарей.

Множество пекаренъ приготовляли галеты для неприкосновеннаго запаса... Какая разница между этими прекрасно выпеченными и вкусными бисквитами и черными русскими сухарями!...

10-го іюня прибылъ, наконецъ, и давно-ожидаемый главнокомандующій Абдуль-Керимъ-паша. Въ этотъ день еще съ утра въ укрѣпленіяхъ и лагерѣ замѣчалось особенное движеніе. Все чистилось и прибиралось. По улицамъ то и дѣло проѣзжали паша съ своими адъютантами на прекрасныхъ коняхъ подѣ роскошно вышитыми чепраками. На вокзалѣ желѣзной дороги собралось все начальство. Главнокомандующій вышелъ изъ вагона въ простомъ походномъ сюртукѣ, принялъ рапорты, тутъ же отдалъ распоряженіе объ устройствѣ обходной вѣтви въ томъ мѣстѣ желѣзной дороги, гдѣ она обстрѣливалась русскими, и затѣмъ окруженный блестящею и многочисленною свитою отправился въ Левентъ-Табіаси. Вернувшись оттуда въ лагерь и закусивъ въ палаткѣ Вали-паша, онъ вновь уѣхалъ для осмотра другихъ укрѣпленій.

Результатомъ этого осмотра было приказаніе, отданное въ тотъ же день, объ устройствѣ двухъ батарей между Рущукомъ и Пирго.

Вечеромъ въ честь главнокомандующаго въ лагерѣ былъ парадный обѣдъ, продолжавшійся до 12 часовъ ночи. Во время обѣда Али-паша получилъ приказаніе отправиться въ Черногорію съ 10-тысячною арміею.

Престарѣлый Абдуль-Керимъ еще держится молодцомъ. Всѣ послѣдующіе дни онъ неустанно посвящалъ разѣздамъ по батареямъ и укрѣпленіямъ, совершая эти поѣздки, по обыкновенію, верхомъ.

Паша очень не словоохотливъ, и его планы кампаніи, если они въ дѣйствительности существуютъ, остаются пока достояніемъ его самаго и весьма ограниченнаго кружка самыхъ приближенныхъ лицъ. Миѣ приходилось бесѣдовать съ нѣкоторыми офицерами, бывшими на обѣдѣ и участвовавшими въ его поѣздкахъ, но имъ не привелось слышать даже намековъ на какія либо предположенія главнокомандующаго.

Съ 12-го іюня по рущукскимъ укрѣпленіямъ журжевскими батареями была открыта самая усиленная канонада. Снаряды попадали и въ городъ. Прибрежныя турецкія батареи порядочно пострадали отъ русскаго огня, но поврежденія немедленно исправлялись.

Не только стекла въ домахъ, но и самые дома, особенно мѣстной легкой постройки, содрагались отъ оглушительныхъ залповъ, которыми отвѣчали рущукскія орудія. Первое время можно было подумать, что русскія войска переправляются черезъ Дунай и поэтому поднялась перестрѣлка, такъ была часта отвѣтная канонада турокъ. Хотя вредъ, наносимый въ городъ снарядами, былъ весьма незначителенъ, тѣмъ не менѣе множество рущукскихъ гражданъ заблагоразсудило выбраться за городъ; болѣе зажиточные со всѣмъ скарбомъ успѣли уѣхать по желѣзной дорогѣ.

Канонада, не умолкавшая ночью, продолжалась и въ послѣдующіе дни. 14-го удачно пущенная граната попала въ «конакъ» и зажгла его. На этомъ зданіи турки подняли флагъ «красной луны», «сюда, мошь, стрѣлять нельзя — лазаретъ», хотя въ сущности только одна изъ ком-

нать конака была приспособлена подъ больницу и то въ день катастрофы, окончившейся совершеннымъ истребленіемъ этого зданія; больныхъ въ немъ не было.

17-го іюня я выѣхалъ изъ Рушукъ. Сначала шоссе тянулось почти параллельно рѣки Кара-Ломъ, берега которой покрыты мелкимъ лѣсомъ. Часто мы попадались значительныя партіи болгаръ, которыхъ выгнали на работу — рубить колья для укрѣпленій и готовить туры.

Около селенія Сумунли разбивали мѣсто подъ устройство деревянныхъ бараковъ для госпиталя.

Дорога къ Ловчѣ шла по возвышенному холмистому плато, то между обработанныхъ полей, засѣянныхъ пшеницей и кукурузой, обѣщавшими прекрасный урожай, то посреди роскошныхъ пастбищъ и луговъ съ густою зеленою травой.

Верстахъ въ четырехъ отъ города Ловчи, на полѣ, расположились лагиремъ два табора низама, занятые устройствомъ земляныхъ укрѣпленій. Имъ помогали болгары. Вообще, саперныя обязанности при турецкой арміи исправляли болгары, конечно, по принужденію и совершенно безплатно. Турки, какъ я потомъ имѣлъ не одинъ случай убѣдиться, заставляли болгаръ исправлять и возводить укрѣпленія даже подъ непріятельскими выстрѣлами и, нерѣдко, эти несчастные, даровые работники гибли отъ ядеръ и пуль арміи, дерущейся за ихъ же освобожденіе.

Для саперныхъ работъ сгоняли жителей окрестныхъ деревень и они должны были являться со своимъ инструментомъ и повозками. Отсюда — та изумительная быстрота, съ какою турки, часто въ одну ночь, исправляли громадныя поврежденія своихъ вербовъ.

Дорога изъ Ловчи въ Плевно идетъ сначала по ровной мѣстности и потомъ уже ближе къ Плевно дѣлается болѣе гористою. Самая Плевна лежитъ въ глубокомъ

ущельѣ, по дну котораго протекаетъ небольшая рѣченка Чаръ, притокъ Вида. Возвышенности, со всѣхъ сторонъ окружающія Плевно, поднимаются сначала довольно пологими уступами, но потомъ, достигнувъ наибольшей высоты, образуютъ къ сторонѣ города крутые обрывы.

Я засталъ въ Плевно не болѣе трехсотъ солдатъ подъ командою Узунъ-Неджиба. Изъ укрѣпленій имѣлась только одна батарея на Уианцѣ, но, зайдя въ кофейню, я узналъ, что турецкое военное начальство намѣрено укрѣпить Плевно и сосредоточить здѣсь сильную армію. Со дня на день ждали прибытія англійскихъ инженеровъ, для которыхъ уже были отведены квартиры въ домахъ болгаръ: Вацолу, Ходжи-Коста, Таки-Влахъ, Коста-Ценцарину, Семіона Хайдотуло, Косто-Гико и нѣкоторыхъ другихъ изъ болѣе зажиточныхъ гражданъ. Городской голова, болгаринъ Златанъ Чербаджи, получилъ приказъ собрать 3000 болгаръ съ необходимыми инструментами и подводами. Все это заставляло вѣрить рассказамъ обывателей, что Плевнѣ въ непродолжительномъ времени предстоитъ сдѣлаться сильнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ и играть немаловажную роль въ разгорающейся войнѣ.

Населеніе, какъ болгарское, такъ и турецкое, было въ крайне неопредѣленномъ и затруднительномъ положеніи. Приближеніе турецкой арміи грозило первымъ обычными поборами и разореніемъ... Можетъ быть многіе предпочли бы уѣхать изъ города, но всякая попытка въ этомъ родѣ была бы сочтена за измѣну, за намѣреніе перейти къ москoвамъ и повлекла бы за собою весьма непріятныя послѣдствія. Правда, бѣжать было можно, но въ такомъ случаѣ приходилось бросить все имущество.

Съ другой стороны, ходившіе слухи о переправѣ русскихъ войскъ у Систова и движеніи на Тырново дѣлали вѣроятнымъ появленіе ихъ въ Плевнѣ и это очень безпо-

коило турецкое население, между которымъ духовенство распространяло самыя неправдоподобныя вещи о невѣроятной жестокости русскихъ солдатъ и ихъ жадности къ грабежу и насилію женщинъ.

Ревнивыхъ по природѣ турокъ въ особенности беспокоило послѣднее обстоятельство. Поэтому они спѣшили уладывать имущество, чтобы имѣть возможность бѣжать изъ города при появленіи въ окрестностяхъ русскихъ войскъ.

Болгарамъ же не оставалось ничего другого, какъ терпѣливо ожидать событій и, въ виду могущихъ наступить плохихъ временъ, подалѣе припрятать цѣнныя вещи и запасы овощи и зерна.

Чтобы избѣжать непріятныхъ встрѣчъ, мнѣ предстояло опять держать путь къ Сербіи, чтобы, переправившись оттуда въ Молдавію, вернуться въ Болгарію, въ мѣстоположеніе нашей главной квартиры, которую я надѣялся найти уже въ Систово.

По пути изъ Илевны, по болгарскимъ деревнямъ, я встрѣчалъ шайки баши-бузукъвъ и черкесовъ, занятыхъ сборомъ продовольственныхъ припасовъ и скота. Предметы эти собирались реквизиціоннымъ путемъ по заранѣ составленнымъ мѣстными властями свѣдѣніямъ — сколько каждая деревня можетъ выставить извѣстнаго продовольствія. Не мудрено поэтому, что продовольственная часть находилась у турокъ въ сравнительно блестящемъ положеніи и въ послѣдствіи русскія войска повсюду находили въ турецкихъ лагеряхъ значительные запасы всякихъ предметовъ.

Обратную переправу черезъ Дунай я совершилъ вполне удачно съ сербскимъ лодочникомъ, который высадилъ меня на молдавской сторонѣ немного ниже Турно-Северина. До этого города я добрался пѣшкомъ и, купивъ себѣ

приличный европейскій костюмъ, по желѣзной дорогѣ отправился въ Журжево, а оттуда черезъ Зимницу прибылъ въ Систово, гдѣ засталъ полковника Артамонова и генерала Скобелева 2. Оба они приняли меня весьма любезно и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарили за доставленные мною свѣдѣнія.

Систово совершенно не походило на тотъ скучный болгарскій городокъ, какимъ я видѣлъ его въ мой первый пріѣздъ изъ Виддина, когда еще здѣсь хозяйничалъ Халиль-паша съ своими низамами.

Болгары, сдѣлавшіеся вдругъ нашими «братушками», не имѣли уже того приниженаго, забитаго вида.

Вся молодежь запаслась мѣховыми, каракулевыми шапками, нашла на нихъ кресты и щеголяла въ этомъ запрещенномъ для нихъ въ былое время убранствѣ.

Русское золото, какъ магическая палочка волшебника, оживило торговлю. Каждая лачужка, всякій свободный уголокъ преобразился въ магазинъ, гдѣ всевозможная дрянь въ восточномъ вкусѣ продавалась за хорошую цѣну и находила многочисленныхъ покупателей въ щедрыхъ русскихъ офицерахъ, у которыхъ дорогая Румынія не успѣла еще выгрузить карманы.

На колокольнѣ систовскаго собора уже звонили колокола, добытые откуда-то изъ-подъ земли, куда они были запрятаны во время турецкаго владычества.

Систово было, какъ говорится, биткомъ набито военными и цѣлые дни мостъ, устроенный между Систовымъ и Зимницею былъ занятъ вереницею войскъ и обозовъ, тянувшихся изъ Молдавіи. Противуположный берегъ казался какъ бы въ дыму отъ пыли. Острова Дуная, залитые весеннимъ разливомъ, выступили изъ-подъ воды и начали покрываться зеленью. Масса лодокъ шныряла по Дунаю, не опасаясь уже болѣе турецкихъ мониторовъ, запертыхъ

минными загражденіями у придунайскихъ крѣпостей. Все кипѣло жизнью и дышало надеждой. Первые успѣхи отуманили не только молодыя горячія головы, но увлекли и болѣе положительныхъ людей.

Блестящее начало вселяло во всѣхъ надежду самаго скорого конца. «Еще мѣсяць, — много два и война окончится, — таковъ былъ общій говоръ, и часто эта фраза вылетала изъ устъ, обладателю которыхъ болѣе всего слѣдовало бы знать, что турки вовеки не такъ слабы, чтобы побѣда надъ ними досталась намъ особенно дешево.... Тѣмъ болѣе ихъ «не могла закидать шипками» та, въ сущности, весьма немногочисленная армія, которая перекинулась въ Болгарію и которой на первыхъ же порахъ пришлось разбросаться на большое пространство, разбившись на небольшіе отряды. Но не будемъ упреждать событій...

ГЛАВА IV.

Болгарія. Ея населеніе. Домашняя жизнь болгаръ и ихъ воспитателей — ту-рокъ. Болгарскія и турецкія женщины. Гаремы и ихъ растлѣвающее значеніе. Турецкое и болгарское духовенство.

Трудно встрѣтить въ цѣлой Европѣ болѣе одаренную природой страну, какъ Болгарія. Богатство и разнообразіе почвы, прекрасный климатъ, обиліе воды и возможность вслѣдствіе мѣстныхъ условій самой обширной ирригаціи дѣлають эту страну доступною и прибыльною для всевозможныхъ отраслей хозяйства и промышленности.

Между тѣмъ и то и другое находится еще въ перво-бытномъ состояніи и требуетъ не только улучшеній, но совершеннаго преобразованія. Имѣя отличную пшеницу, на-

родонаселеніе ёсть дурно выпеченный, дурно приготовленный и изъ дурной муки хлѣбъ. Воздѣлывая прекрасный виноградъ, не уступающій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лучшимъ сортамъ Бургони и Шампани, болгары, однако, пьютъ самое плохое кислое вино, котораго непривычный человѣкъ не возьметъ въ ротъ. Разводя огромныя стада овецъ и получая съ нихъ массу отличной шерсти, они имѣютъ на весь край, если не ошибаюсь, одну только суконную фабрику, да и то приготовляющую самыя грубыя сорты сукна. Въ такомъ же видѣ находится и шелководство, а о разработкѣ минеральныхъ богатствъ, какъ говорятъ, весьма замѣчательныхъ, до сей поры не было и рѣчи.

Причины такого пренебреженія къ улучшеніямъ кроются не въ лѣни или въ непредпримчивости народонаселенія, а исключительно въ политическомъ положеніи, въ которомъ находится эта благословенная страна, вотъ уже нѣсколько столѣтій подчиненная племени совершенно чуждому всякому прогрессу и видящему въ благосостояніи своихъ подчиненныхъ прямой ущербъ собственнымъ интересамъ.

«Намъ нужно держать райевъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы они были для насъ хорошими и покорными слугами» — вотъ основной принципъ въ отношеніяхъ турецкаго правительства къ подчиненнымъ провинціямъ. При такихъ взглядахъ, конечно, далеко не уѣдешь.

Если какой нибудь болгаринъ желалъ устроить паровую мельницу или заводъ и обращался за разрѣшеніемъ къ начальству, онъ могъ рассчитывать только на отказъ. Глубокомысленные администраторы не безъ основанія полагали, что для фабрики понадобятся механики, техники... На мѣстѣ ихъ нѣтъ — придется, значитъ, приглашать *франковъ*, а тѣ принесутъ съ собою новыя идеи, до которыхъ такъ падки подлые гяуры.

Постоянный нравственный гнетъ сдѣлалъ свое дѣло. Болгаринъ видѣлъ непрочность своего положенія и мало по-малу потерялъ охоту добывать болѣе, чѣмъ ему требуется для того, чтобы не умереть съ семьею съ голоду.

Послѣ восточной войны, множество черкесовъ и татаръ, выселившись изъ Кавказа и Крыма были водворены въ Болгаріи. Послѣдніе занялись хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ и, благодаря привычкѣ къ труду, устроились на новыхъ мѣстахъ весьма порядочно. Черкесы же сдѣлались истиннымъ наказаніемъ для края и стали ужасомъ дорогъ и своихъ новыхъ сосѣдей. Ихъ аулы, состоящие изъ жалкихъ хижинъ, лѣнятся преимущественно въ дикихъ уединенныхъ мѣстахъ Балканъ и даютъ самое вѣрное понятіе о бѣдности, неряшливости и нравственномъ убожествѣ этихъ главныхъ, когда то, сыновъ горъ, надѣлавшихъ въ свое время не мало хлопотъ русскимъ.

Въ настоящую войну болгарскіе черкесы дали самый многочисленный контингентъ башки-бузучеству. Съ переходомъ черезъ Дунай русскихъ войскъ, все мужское населеніе ауловъ, способное носить оружіе, бѣжало въ ряды турецкой арміи, предварительно ограбивъ ближайшія деревни и подвергнувъ самымъ варварскимъ истязаніямъ несчастныхъ болгаръ, ихъ женъ и дочерей. Зато трудно найти теперь во всей сѣверной Болгаріи хотя одно уцѣлѣвшее черкесское село. Ободренные приходомъ русскихъ войскъ, болгары успѣли отмстить этимъ разбойникамъ и до чиста разорили ихъ жилища.

Послѣ турокъ, первенствующій классъ, въ особенности въ городахъ, составляютъ греки. Греческое духовенство, имѣя вліяніе въ Константинополѣ, забрало въ свои руки все духовныя дѣла Болгаріи и, благодаря своему корыстолюбію и поборамъ, чуть было не отвратило болгаръ отъ православной церкви и не отдало ихъ въ лапы латинскихъ поповъ.

Въ Болгаріи не рѣдкость встрѣтить цѣлую деревню, всѣ жители которой — католики и приняли католицизмъ только для того, чтобы избавиться изъ-подъ гнета своихъ прежнихъ единовѣрцовъ.

Вообще, въ Болгаріи каждому пришельцу, будь онъ французъ или нѣмецъ, грекъ или армянинъ, жидъ или мадьяръ жилось несравненно лучше, чѣмъ настоящему коренному обитателю. Каждый пришелецъ пользовался покровительствомъ своей державы и притѣснять его было нѣсколько опасно, можно, пожалуй, нажить большихъ хлопотъ. Притѣснять же болгарина могъ всякій, и поэтому удивительно, какъ этотъ народъ могъ пережить нѣсколько столѣтій подъ страшнымъ игомъ и, въ массѣ, не потерять своей религіи и національности.

Домашній бытъ болгаръ носить почти патриархальный характеръ. Взаимныя отношенія членовъ семьи самыя правильныя. Женщина поставлена въ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ у многихъ самыхъ образованныхъ націй. Ссоры между супругами составляютъ величайшее исключеніе и при этомъ жена — не раба или служанка мужа, а дѣйствительная его помощница и совершенно равноправна съ нимъ какъ у домашнего очага, такъ и въ общественной жизни. При такихъ условіяхъ о нарушеніи супружеской вѣрности не можетъ быть и рѣчи и оно клеймится всеобщимъ презрѣніемъ. Болгарская дѣвушка не дичится посторонняго чловѣка и не убѣгаетъ отъ него; напротивъ, зная, что ее уважаютъ, она смѣло встрѣчается съ молодыми людьми, отъ души веселится съ ними и потому бракъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, есть дѣло взаимнаго сочувствія.

Умѣренность болгаръ въ пищѣ и *выпивкѣ* можетъ быть поставлена въ примѣръ другимъ славянамъ, въ особенности великоруссамъ. Только въ большіе праздники, или

на свадьбахъ, можно увидѣть болгарина пьянымъ — да и то большая рѣдкость.

Бѣтъ болгаринъ преимущественно растительную пищу, только весною для баранины дѣлается исключеніе. Фасоль, рисъ, лукъ и зеленый перецъ — вотъ чѣмъ питается болгаринъ круглый годъ, разнообразя свой неприхотливый обѣдъ соленою брынзою (сыръ изъ овечьяго молока) и нѣсколькими глотками вина. Хлѣбъ, какъ я уже сказалъ выше, готовится черезчуръ плохо. Это таже молдаванская «*мамалыа*», только изъ пшеничной муки и печеная; сходство усугубляется подмѣшиваньемъ кукурузы. Такой хлѣбъ печется въ золѣ передъ самымъ обѣдомъ и подается горячимъ.

Одѣвается болгаринъ и зимой и лѣтомъ совершенно одинаково. Тѣ же широкіе штаны съ «курдюкомъ», такъ смѣшившимъ нашихъ солдатъ, тотъ же жилетъ съ рукавами и короткая куртка, тотъ же неизмѣнный шерстяной поясъ въ нѣсколько сажень длины и мѣховая шапка. Зимой прибавляется божухъ такого же фасона, какой носятъ молдаване и маѣроссы. Праздничный костюмъ отличается лишь болѣе богатыми узорами вышивки.

Если въ чемъ и можно обвинить болгаръ, такъ это въ нечистоплотности ихъ жилищъ. Трудно представить себѣ что нибудь хуже, непригляднѣе и неудобнѣе хаты (кышты) бѣднаго болгарина. Наша «курная» изба, въ сравненіи съ нею, является верхомъ комфорта и даже изящества. Черезъ низенькую дверцу, какую въ Россіи можно встрѣтить развѣ въ свинятникахъ и овечьихъ хлѣвахъ вы входите, согнувшись въ три погибели, въ какое то темное пространство, освѣщаемое нерѣдко всего только однимъ крошечнымъ окномъ. Вправо отъ входа, прямо на земляномъ полу, устроенъ очагъ, дымъ отъ котораго выходитъ въ широкую прямую трубу, ничѣмъ не прикрытую

сверху. Другихъ печей здѣсь не существуетъ, стало быть не можетъ быть и рѣчи. Вокругъ очага обыкновенно ютится вся семья — старый и малый сидятъ на корточкахъ и грѣются. По обѣимъ сторонамъ очага, вдоль стѣны, идутъ двѣ или три полки, гдѣ помѣщается домашняя утварь, заключающаяся въ нѣсколькихъ мѣдныхъ котлахъ (казаны), нѣсколькихъ глиняныхъ кувшинахъ и такомъ же количествѣ мисокъ. Тутъ же и мѣдное ведро (бакрачъ) съ водою. Стѣна, противоположная входу, имѣетъ посрединѣ небольшое углубленіе, въ родѣ пичурки, гдѣ помѣщается грубо намалеванный на деревянной доскѣ, законченный образъ. У этой же стѣны, на полу, обыкновенно раскинута большая камышевая циновка, на которой днемъ принимаютъ гостей, а ночью спать вся семья, подтягивая ее къ очагу. Подъ крышей навѣшиваются кочаны кукурузы и грозди винограда — про зимній запасъ. Зимой въ такихъ кыштахъ постоянная грязь, а лѣтомъ блохи.

Дома жилищныхъ болгаръ строятся на турецкій манеръ. Нижний этажъ заключаетъ конюшни и сарай, а въ верхнемъ расположены жилыя комнаты, которыя дѣлятся на зимнія и лѣтнія. Последнія рассчитаны на возможно большій доступъ воздуха, имѣютъ множество оконъ и походятъ на фонари. Зимнихъ комнатъ не много — одна или двѣ. Для отопленія ихъ устроены печи (собы) нѣсколько напоминающія наши каминны. Печи эти по своей дурной конструкции и при общей легкости постройки, недостаточны, чтобы согрѣть комнату на продолжительное время, такъ что для поддержанія теплоты болгары прибѣгаютъ къ «мангаламъ», т. е. большимъ жаровнямъ съ раскаленнымъ древеснымъ углемъ — приборъ, употребляемый и во многихъ мѣстностяхъ южной Европы.

Обстановка сельского турецкаго населенія мало отличается отъ болгарской и совершенно не похожа на обста-

новку важныхъ турецкихъ сановниковъ или богатыхъ купцовъ, которые могутъ обставить свои жилища сообразно съ требованіями національныхъ обычаевъ и приблизиться къ высшему идеалу турецкаго комфорта, главное проявленіе котораго бесспорно — во дворцѣ его величества Падшаха.

Еще въ дѣтствѣ мнѣ приходилось бывать въ домахъ богатыхъ нашихъ и губернаторовъ разныхъ турецкихъ провинцій, играть даже въ ихъ гаремахъ и всѣ подробности этихъ своеобразныхъ жилищъ и быть ихъ обитателей мнѣ достаточно знакомы.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что Магометъ дозволилъ многоженство и далъ относительно его точныя предписанія. Каждый турокъ или магометанинъ можетъ имѣть четырехъ (законно обвѣнчанныхъ) женъ и держать какое угодно число наложницъ. Всѣ онѣ должны жить въ покоехъ, называющихся гаремомъ, отдѣленныхъ отъ тѣхъ помѣщеній, которыя служатъ для приѣма гостей — мужчинъ и житья не-гаремной прислуги. Сообразно этому и постройка турецкихъ домовъ располагается по особому плану. Обыкновенно, каждое жилище богатаго магометанина состоитъ изъ трехъ дворовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга высокими стѣнами. Въ первомъ дворѣ находятся помѣщенія для прислуги, конюшни, сарай, кладовыя и т. п. Второ́й дворъ предназначается для хозяина; тутъ же находятся и приемные покои, т. е. большія свѣтлыя комнаты съ низенькими вокругъ стѣнъ диванами, покрытыми, обыкновенно, дорогими коврами. Эта часть называется по турецки «селямликъ», отъ турецкой фразы «селямъ алейкюмъ», обозначающей привѣтствіе. Для своего «селямлика» турокъ не жалѣетъ убранствъ, такъ какъ это — единственная часть его жилища, доступная взору посторон-

нихъ. Послѣдній дворъ, обыкновенно, засаженный деревьями, отводится подъ постройки гарема.

Слово гаремъ происходитъ съ арабскаго и значить священное, неприкосновенное... Сюда не имѣютъ права входа не только посторонніе мужчины, но даже ближайшіе родственники хозяина. Попытка проникнуть въ это святилище, по закону Магомета, наказывается смертію, при чемъ мужу предоставлено право безъ всякаго суда наказывать дерзкаго.

Гаремныя постройки состоятъ или изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ флигелей, по числу женъ и наложницъ, или сосредоточиваются въ одномъ домѣ, раздѣленномъ на нѣсколько совершенно самостоятельныхъ квартиръ, каждая съ своею банею, пріемною, спальней и комнатою для прислуги.

Одна изъ такихъ квартиръ, по обширѣе, предназначается для какой нибудь старой родственницы хозяина, часто его матери, на обязанности которой лежитъ вся хозяйственная часть гарема, а также присмотръ за нравственностью и поведеніемъ женщинъ; ей же подчиняется и вся гаремная прислуга.

Обвѣнчанныя жены называются «кадидами». Нерѣдко кадина прежде была «икбалой» (любовницей) султана, надѣла ему и подарена какому нибудь отличившемуся сановнику. Это считается за знакъ особенной милости падишаха и никто не можетъ отказаться отъ подарка, хотя, часто, жалованная кадина — устарѣлая и сварливая женщина.

Такъ какъ и въ Турціи женщины, не смотря на ихъ замкнутость, хотять жить, наряжаться и наслаждаться, то гаремъ составляетъ очень дорогое удовольствіе.

Прежде пополненіе гаремовъ производилось покупкою дѣвушекъ прямо на рынкѣ; нынѣ публичной продажи не

существуетъ, но тайная въ полномъ ходу.... Безъ нея, впрочемъ, и не мыслимо все гаремное учрежденіе.

Въ Константинополѣ существуетъ цѣлый классъ женщинъ и мужчинъ, специально занимающихся этою торговлею. Они высматриваютъ хорошенькихъ дѣвушекъ и хитростью, а часто и силою, заманиваютъ къ себѣ, а потомъ находятъ подходящихъ покупателей.

Разъ дѣвушка попала въ гаремъ — ей трудно, просто невозможно, вырваться оттуда. Стерегутъ ее весьма строго и въ концѣ концовъ она должна отдаться своему обладателю.

Турки, вслѣдствіе вмѣшательства европейскихъ державъ, часто утверждали, что они уничтожатъ торговлю людьми, вмѣстѣ съ рабствомъ, но это — подобно большинству ихъ обѣщаній — не болѣе, какъ паглая ложь. Для гаремовъ необходимы рабыни и рабы въ видѣ евнуховъ, для такой роли свободныхъ людей не найдешь и потому торговля живыми мясомъ и теперь еще въ полномъ ходу.

Все свободное время турки проводятъ въ своихъ гаремахъ, гдѣ передъ глазами ихъ постоянно вертятся и ухаживаютъ за ними хорошенькія женщины въ самыхъ обольстительныхъ и прозрачныхъ костюмахъ, мало скрывающихъ чудныя формы. Каждая изъ нихъ пускаетъ въ ходъ все средства, не стѣсняясь ихъ цинизмомъ, чтобы привлечь на себя взоръ *поселителя*. При такихъ условіяхъ старость и дряхлость слишкомъ рано наступаютъ для турокъ. Разнузданное воображеніе ищетъ новыхъ жертвъ, а это стоитъ денегъ.. Отсюда — взяточничество и грабежъ подчиненныхъ... Покуда турки остаются магометанами — ждать отъ нихъ прогресса и вѣрить общаемымъ ими реформамъ — могутъ только безумцы.

Чѣмъ богаче турокъ, тѣмъ однообразіе и скучнѣе

проводить время его кадины и любовницы... Бѣдному — жена помогаетъ въ трудахъ, — онъ совѣтуется съ нею и она, такъ сказать, живетъ и дышетъ тѣми же интересами, какіе доступны и не магометанской женщинѣ... Въ гаремѣ богатаго паши она осуждена на полиѣйшее бездѣйствіе. Вышиванья шелками и золотомъ туфель и подушекъ, ссора и пикировка съ соперницами и изрѣдка визиты женъ райевъ, приносящихъ новости и извѣстія съ того, не извѣданнаго міра — вотъ единственные развлечения, доступныя въ гаремной жизни. Хорошо еще, если повелитель оказываетъ свою благосклонность, а то хоть умирай съ тоски... Надоѣдаютъ игры, надоѣдаютъ пѣсни, еще болѣе раздражающія воображеніе и молодая рабыня скоро впадаетъ въ какое то нравственное оцѣпенѣніе, толстѣетъ и дѣлается невыносимо брюзгливой для окружающихъ.

Европейскія женщины, иногда попадающія въ гаремы или по собственной волѣ, соблазненные большимъ бѣшемъ, или проданныя туда безстыдными сводницами, не могутъ долго выносить душной атмосферы гарема и чахнуть скорѣе, чѣмъ природныя магометанки, съ дѣтства привыкшія къ затворничеству. Мало изъ нихъ достигаетъ преклонныхъ лѣтъ и нерѣдко, чтобы избавиться отъ страшной нравственной муки, эти вольныя и невольныя мученицы разбиваютъ себѣ голову.

Турецкая женщина можетъ выходить на улицу не иначе, какъ тщательно закутавъ лицо, такъ чтобы открытыми оставались одни глаза. Нужно видѣть, какимъ восторгомъ горятъ эти глаза во время такихъ прогулокъ, какое желаніе броситься на шею первому встрѣчному выражается въ нихъ, чтобы не сказать: горько, убійственно-скверно положеніе турецкой женщины!

Если гаремы своимъ страстнымъ до болѣзненности дыханіемъ разстраиваютъ физическія силы турокъ, то въ

ученіи Магомета онъ находитъ поддержку своему фанатизму и ненависти къ остальному немагометанскому міру. Духъ, живущій въ коранѣ, сдѣлалъ магометанство великимъ и сильнымъ. Въ немъ есть необъяснимое очарованіе, которое въ продолженіи слишкомъ тысячи лѣтъ одушевляетъ и восторгаетъ миллионы людей. Оно зажигало пламень, не одинъ разъ опустошавшій Европу, подчинившій владычеству полумѣсяца Византійскую Имперію и доходившій даже до самыхъ воротъ Вѣны. Аль-Коранъ — книга книгъ, она для магометанъ имѣетъ тоже значеніе, какъ для христіанскихъ монаховъ требникъ. Вся она, подобно книгѣ Моисея, изложена во имя Аллаха, какъ непосредственное Его слово. Излагая въ своей книгѣ наставленія и ученія, обѣты и угрозы, проклятія и благословенія, какъ исходящія изъ устъ самаго Аллаха, пророкъ преградилъ врагамъ всякіе нападки на коранъ, такъ какъ Аллахъ есть высочайшій судья и его предопредѣленій не могутъ измѣнить никакіе земные судьи.

Онъ заставилъ божество говорить не только поэтическимъ языкомъ востока, но и со всею пылкостью и страстью, къ какой способны арабы — первые его слушатели и послѣдователи.

Устранивъ такимъ образомъ возможность какихъ бы то ни было комментаріевъ на коранъ, Магометъ завѣщалъ магометанскому духовенству поучать своихъ духовныхъ дѣтей только тѣмъ истинамъ и положеніямъ, какія изложены въ священной книгѣ.

Толкователи закона, т. е. корана, называются *муфти*. Въ каждой мечети есть свой муфти и онъ занимаетъ мѣсто перваго священника. Главою духовенства считается великій муфти, живущій въ Константинополѣ, котораго турки называютъ *княземъ ислама* (шейхъ уль исламъ). Съ одной стороны онъ вѣдаетъ все духовныя дѣла, подоб-

но нашему высшему духовенству, съ другой—онъ имѣтъ громадное вліяніе и на мірскія дѣла, подобно римскому папѣ въ прежнее время, такъ какъ на его обязанности лежитъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ предписаній корана, заключающаго въ себѣ не только духовные, но и основныя гражданскіе права.

Шейхъ уль исламъ имѣтъ право посредствомъ своего «*фетва*» (письменнаго судебнаго приговора) отрѣшить даже султана отъ престола, не смотря на то, что самъ избирается и возводится въ свое достоинство падишахомъ, отъ котораго и зависитъ какъ всякое другое должностное лицо.

Чтобы быть муфтіемъ, нужно отлично знать коранъ и нѣсколько разъ посѣтить Мекку и Медину, чтобы послушать тамошнихъ толкователей и набраться святости и мудрости у гроба пророка.

Магометанскіе храмы называются по турецки *джевами*, *джами* и *меджиди*, смотря по классу и строятся по правиламъ изложеннымъ въ коранѣ, непременно среди обширнаго двора, на которомъ не можетъ быть иныхъ построекъ, кромѣ принадлежащихъ къ мечети. Обыкновенно для постройки выбирается высокое мѣсто, частью для того, чтобы она господствовала надъ страной, частью, чтобы «муэзину» было удобно нѣиємъ своимъ сзывать правовѣрныхъ на молитву, такъ какъ колоколовъ магометане не употребляютъ.

Высокія узкія башни мусульманскихъ мечетей называются *минаретами* и каждая мечеть обязательно должна имѣть хотя одну башню для муэзина. Большія «*джами*» имѣютъ по два, по четыре и даже по семи минаретовъ.

Всѣ мечети имѣютъ почти одинаковую архитектуру и внутреннее устройство. Всѣ они оканчиваются куполомъ изъ блестящаго металла, съ нѣсколькими меньшими купо-

лами на боковыхъ предѣлахъ. Въ передней залѣ правовѣрные совершаютъ передъ молитвою предписанныя закономъ омовенія и изъ этой уже залы проходятъ въ самый храмъ. На самомъ концѣ восточной стороны мечети устраивается возвышеніе для алтаря, называемаго «*мирабъ*». Это мѣсто символически представляетъ меккскую каабу, т. е. священный храмъ, основателемъ котораго считаютъ Авраама, и всякій правовѣрный во время молитвы оборачиваетъ къ нему свое лицо. Во всякой мечети долженъ быть святой ковчегъ для храненія корана, люстры и всякія лампы. Стѣны должны быть бѣлыя; украшенныя только выписками изъ корана. Надъ мирабомъ надпись: *Ля Аллахъ иль Аллахъ, Магомедъ рассуль Аллахъ*, т. е. «иѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его». Полы въ мечетяхъ покрыты цыновками и коврами, потому что магометанинъ, какъ извѣстно, не можетъ молиться иначе, какъ на коврѣ.

Признавая за духовенствомъ значительное вліяніе на народъ, турецкое правительство всѣми силами старалось поддерживать это вліяніе и устраивало мечети во всѣхъ, даже самыхъ незначительныхъ селахъ.

Въ тоже время исповѣдываніе православной вѣры находилось въ самомъ незавидномъ положеніи. Боясь народныхъ взрывовъ, турки не могли, конечно, прямо запретить православное богослуженіе, но дѣлали все, чтобы по возможности стѣснить его.

Христіанскія церкви, за весьма рѣдкими исключеніями, имѣютъ самый плачевный видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже не позволялось имѣть на нихъ креста и православный храмъ по наружному виду мало чѣмъ отличался отъ прочихъ деревенскихъ хатъ... Суздальскіе, самой простой работы, образа, болѣе чѣмъ скромная церковная утварь, грошевое евангеліе — вотъ и вся обстановка деревенской церкви. Колокольный звонъ былъ положительно

запрещенъ и для сбора на молитву употреблялась чугуная или деревянная доска, въ которую били палочками. Деревенскій священникъ и по воспитанію своему и по образу жизни ни чѣмъ не отличался отъ простаго крестьянина. Не рѣдкость между ними встрѣтить совершенно безграмотнаго и отправлявшаго богослуженіе на память, такъ сказать по изустнымъ наставленіямъ, перешедшимъ отъ преемника.

Если между духовенствомъ появлялась болѣе свѣтлая личность съ какими нибудь признаками образованія, она сейчасъ же становилась «бѣльмомъ на глазу» мѣстной администраціи, видѣвшей въ ней пропагандиста, хотя о какой нибудь пропагандѣ не было и рѣчи. Подъ такого священника подбавывались и, при турецкой хитрости и изворотливости не особенныхъ трудовъ стоило удалить его съ мѣста.

ГЛАВА V.

Новое порученіе. — Старые знакомые. — Приобрѣтаю турецкій паспортъ. — Отъ Виддина до Плевны. — Плевненскія новости. — Рахатъ-лукумъ. — По дорогѣ въ Софію. — Сулейманъ паша. — Шумла. — Варна. — На желѣзной дорогѣ. — Адрианополь. — Комиты. — Филиппополь. — Главная квартира русской арміи.

Не долго пришлось отдыхать мнѣ въ главной квартирѣ. Полковникъ Артамоновъ вновь послалъ меня для собранія свѣдѣній о силахъ и движеніяхъ непріятеля въ Болгаріи. — Сообразно предпочтенному плану, я долженъ былъ снова побывать въ Виддинѣ и Плевно, а оттуда отправиться на юго-востокъ и развѣдать о силахъ, сосредоточенныхъ въ Румелии и крѣпостяхъ Шумла и Варна.

Согласно этому плану, мнѣ предстояло переправиться черезъ Дунай у г. Турно-Северина, такъ какъ пробраться

изъ Систово къ Виддину, непосредственно по Болгарской территоріи, не представлялось возможности, въ виду разѣздовъ непріятеля на линіи сообщеній съ Сербією.

Успѣхъ первой моей переправы вынуждалъ меня держаться первоначальнаго пути и обращаться къ содѣйствію людей, уже однажды бывшихъ для меня полезными. Въ виду этихъ соображеній, я переѣхалъ Дунай по устроенному русскими послѣ переправы плашкоутному мосту и черезъ Зимницу, Журжево, Бугарешть и Крайову отправился въ Турно. Тутъ я остановился на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть, и потомъ поѣхалъ на знакомую рыболовлю Мораря.

Этотъ добрый человѣкъ не узналъ даже меня съ перваго раза, такъ неожиданенъ былъ мой пріѣздъ. Онъ считалъ меня давно мертвымъ и теперь видя живаго, не зналъ какъ выразить свою радость. Съ первыхъ же словъ, рыбакъ охотно согласился переправить меня на ту сторону и даже, къ великому моему удивленію, заранее заявилъ, что за трудъ удовольствуется самой незначительной платой.

Не менѣе радушный пріемъ я встрѣтилъ и на той сторонѣ у знакомыхъ сербскихъ пастуховъ, которыхъ разыскалъ безъ особеннаго труда. Удачная переправа русскихъ войскъ у Систова заставила ихъ въ болѣе розовомъ свѣтѣ видѣть будущее. Убѣжденіе въ могуществѣ турокъ, возстаніе противу которыхъ, за годъ передъ тѣмъ, такъ неудачно кончилось для Сербіи, поколебалось при первомъ успѣхѣ русскихъ.

У пастуховъ я снова купилъ 15 штукъ барановъ, снова съ ихъ помощью преобразился въ пастуха и по знакомой уже дорогѣ погналъ мое стадо въ Виддинъ.

Въ мое отсутствіе въ Виддинѣ произошли большія перемѣны. Османъ-паша съ пятидесятью тысячною арміей

выступилъ изъ города и отправился на Бѣлградчикъ, а оттуда намѣренъ пойти въ Плевно съ цѣлью укрѣпиться въ этомъ городѣ. Свѣдѣнія эти были на столько важны, что я рѣшился немедленно отправить ихъ начальнику вожатыхъ. Въ Виддинѣ я снова купилъ себѣ турецкій костюмъ и хорошую лошадь, а изъ полиціи, благодаря порядочному «бакшашу» (взяткѣ) добылъ турецкій паспортъ (емъ тескереси) на имя турка Хассана-Демержи-оглу. Хотя въ первое мое путешествіе никто не спрашивалъ у меня вида, тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе хорошаго паспорта было весьма желательно, въ особенности теперь, когда русскіе находились уже въ Болгаріи и турки сдѣлались гораздо осторожнѣе.

Всю дорогу отъ Виддина до Плевно мнѣ приходилось обгонять сильныя турецкія отряды. Уже около села Горнота-Магала я перегналъ штабъ-квартиру Османа, имѣющую сдѣлать дневку въ этомъ селеніи, и на своемъ «рахванѣ» (иноходецъ) скоро миновалъ черкескую деревню Дечиранъ-Біой, с. Рыбинъ, Биволаръ и прибылъ въ Плевно. Городъ имѣлъ уже совершенно иной характеръ. Авангардъ арміи Османъ-паши занялъ Плевно, бывшую за нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ продолженіи двухъ-трехъ часовъ во власти русскаго развѣзда. Тысячи болгаръ, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, сооружали цѣлую сѣть траншей и редутовъ по окружающимъ городъ высотамъ. Упонецъ, Буковликъ, Ахчаръ, Бали-боиръ, Детковица, Гривица, Дюлумеуца, Брестовецъ, Радишово, Комударъ, Булиндогъ, Дольная и Горняя Метрополи, Тростеникъ, Биволаръ, Смирдлица и проч. мѣстности въ окрестностяхъ Плевны сильно укрѣплялись.

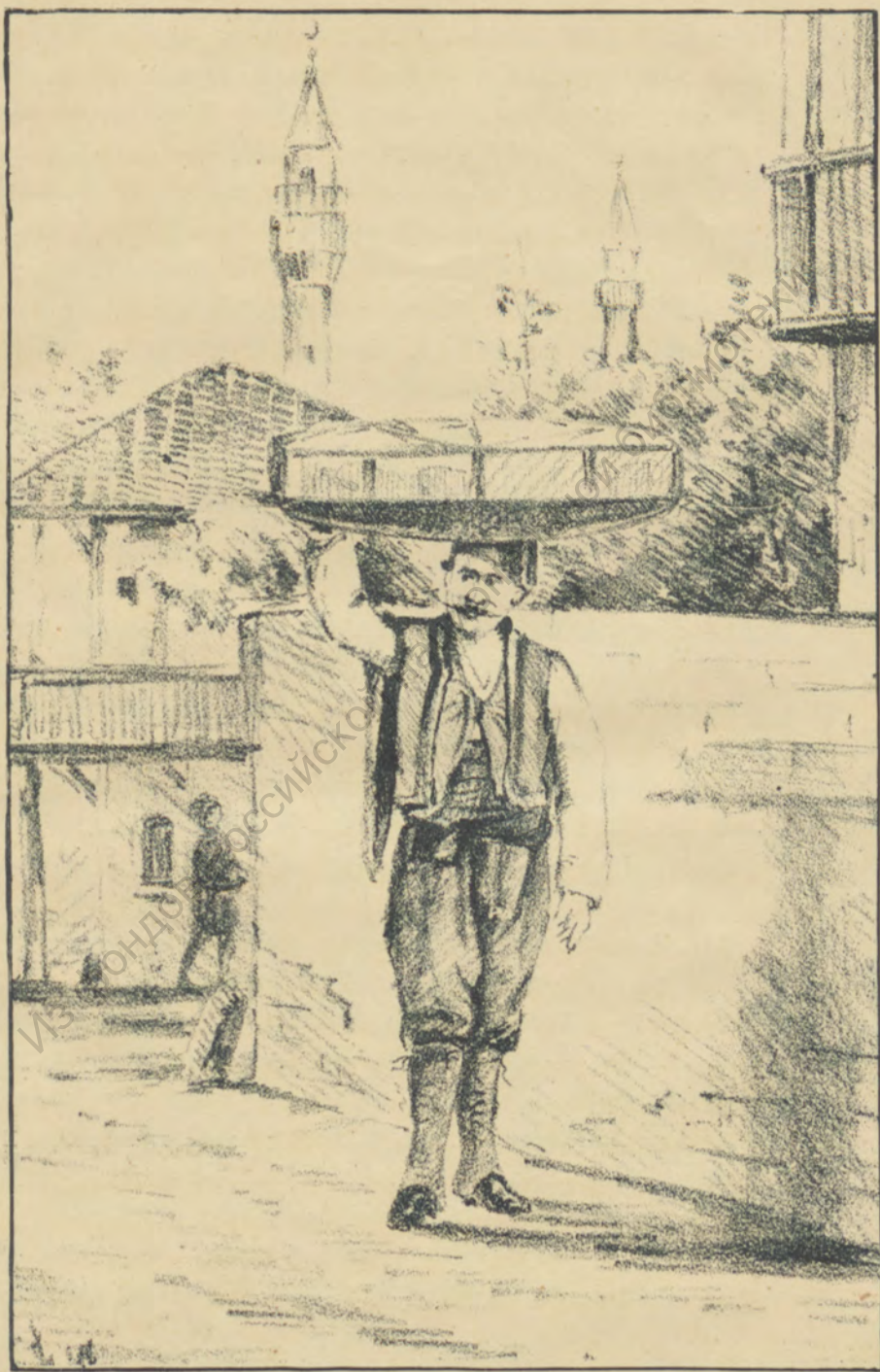
Моя обязанность заставляла меня возможно лучше осмотрѣть всѣ работы и, чтобы не подавать поводовъ къ подозрѣніямъ, я рѣшился обратиться въ продавца рахатъ-

лукума и другихъ сладостей, любимыхъ турками. Купивъ себѣ необходимыхъ припасовъ, я наготовилъ разныхъ снадобій и, уложивъ все это на лотокъ, съ утра отправлялся по работамъ. Турки шутили со мною, покупали мой рахатъ лукумъ, а я исподволь высматривалъ, распрашивалъ и узнавалъ все пужное. Вездѣ я проходилъ безпрепятственно. Никому и въ голову не пришло въ скромномъ, простоватомъ торговцѣ подозрѣвать русскаго лазутчика. Въ одномъ только мѣстѣ, называемомъ *Долю-из-суца*, рыжебородый англичанинъ прогналъ меня и, полагаю, только потому, что своими прибаутками я развлекалъ работавшихъ солдатъ. Пробывъ въ Плевнѣ пять или шесть дней, я направился по Софійскому шоссе.

Около селенія Горній Дубнякъ, принадлежащаго помѣщику-турку Нурри-бею, на окрестныхъ холмахъ возводили солидныя земляныя укрѣпленія. Тутъ расположенъ былъ лагерьмъ тридцатипятитысячный корпусъ подъ начальствомъ Деутъ-паши, Джамаль-паши и меридита Чалмибеглѣу, извѣстнаго своими разбойническими подвигами при усмирении возстанія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.

Верстахъ въ 5 отъ Горнаго Дубняка расположилась кавалерія зейбековъ подъ начальствомъ Дели-Неджибъ-паши. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, этотъ отрядъ состоялъ изъ четырехъ тысячъ всадниковъ.

Въ слѣдующемъ по дорогѣ селенію Темишѣ, находился небольшой отрядъ подъ начальствомъ Халиль-бея, состоящій преимущественно изъ помаковъ, т. е. болгаръ, принявшихъ магометанство. Большинство изъ нихъ придерживается обычаевъ своихъ христіанскихъ единоплеменниковъ и обыкновенно говоритъ на своемъ родномъ языкѣ. Отрядъ состоялъ изъ новобранцевъ, имъ только что раздавали ружья системы Пибоди и они обучались какъ съ ними обращаться.

Фаврикодоровъ — продавецъ рахатъ-лукуму въ Плевнѣ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Вторую ночь, по отъѣздѣ изъ Плевны, мнѣ пришлось провести въ деревнѣ Луковитъ. Я пріѣхалъ туда засвѣтло. Около деревенской мечети скопилось множество народа. Оказалось, что это жители сосѣднихъ турецкихъ деревень, пожелавшіе поступить въ баши-бузуки и явившіеся сюда принять присягу. Кого только нельзя было встрѣтить въ этой оригинальной толпѣ? Тутъ были и семидесятилѣтніе старцы и пятнадцатилѣтніе мальчишки. Между оборваннымъ сбродомъ, идущимъ подъ знамя Аллаха съ единственною цѣлью пограбить, попадались и довольно почтенные землевладѣльцы, рѣшившіеся подвергнуться превратностямъ войны только вслѣдствіе безграничнаго фанатизма и ненависти къ «проклятымъ москочамъ».

По окончаніи присяги, новобранцевъ угощали обѣдомъ за счетъ жителей. Обѣдъ состоялся тутъ же на лужайкѣ передъ мечетью и заключался въ единственномъ блюдѣ изъ жаренныхъ на «шишѣ» барановъ, которыхъ безъ дальнѣйшихъ околичностей разламывали на куски своими грязными руками старѣйшіе изъ добровольцевъ.

Мѣстности, которыя мнѣ приходилось теперь проѣзжать, ознаменованы неслыханными звѣрствами турокъ при усмирении ими возстанія, вспыхнувшего было здѣсь въ 1876 году.

Нѣкоторыя деревни, славившіяся богатствомъ жителей, до чиста разрушены. Такъ на примѣръ, Киссура, въ которой мнѣ пришлось ночевать, представляла и до сей поры груды развалинъ. Между тѣмъ до возстанія, это огромное село, скорѣе мѣстечко, было средоточіемъ выдѣлки розоваго масла, доставлявшего жителямъ хорошіе доходы.

Толпа баши-бузуковъ, которымъ было поручено усмирение возстанія, сожгла промышленныя заведенія, расхитила мѣдныя реторты и вырѣзала болѣе 200 человекъ.

Въ Клиссурѣ я встрѣтился съ дивизією египетскаго паши Кель-Хассана, слѣдовавшаго съ 32-мя горными орудіями на выручку Никополя.

Изъ Клиссуры до Софіи дорога идетъ гористою, дикою мѣстностью. Балканы поросли прекраснымъ лѣсомъ, растущимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ чисто дѣвственною прелестью. По пути мнѣ встрѣчались небольшія отряды войскъ, выдѣленныхъ изъ арміи Сулейманъ-паши на подмогу Плевнѣ. Самого Сулеймана я засталъ въ Софіи съ 45 тысячною армією, состоящею изъ хорошо обученныхъ и обстрѣленныхъ въ Черногоріи солдатъ. Сулейманъ-паша направлялся для защиты проходовъ въ Большихъ Балканахъ, отдѣляющихъ Сѣверную Болгарію отъ Фракіи.

Софія — одинъ изъ торговыхъ городовъ Болгаріи — расположенъ въ центрѣ обширной долины. Онъ служитъ весьма важнымъ пунктомъ сообщеній. Здѣсь проходитъ главный почтовый трактъ изъ Бѣлграда въ Константинополь, изъ Софіи въ Адрианополь, черезъ Берковицу въ Ломъ, въ Орханію и нѣсколько путей на югъ и на юго-западъ. Прежде въ Софіи насчитывали до 50000 жителей, но благодаря турецкимъ порядкамъ, въ настоящее время осталось не болѣе 19000, изъ которыхъ болгаръ всего только одна треть, а остальные двѣ трети состоятъ изъ турокъ, евреевъ и небольшого числа цыганъ.

Улицы, прилегающія къ городскимъ воротамъ, достаточно широки и чисты, но затѣмъ въ еврейскомъ и турецкомъ кварталахъ онѣ также кривы, узки и грязны, какъ и во всякомъ турецкомъ городѣ. Изъ зданій замѣчательны: болгарскій соборъ, болгарское училище, губернаторскій конакъ и двѣ мечети, изъ которыхъ одна прежде была храмомъ Св. Софіи.

Всѣхъ церквей христіанскихъ исповѣданій — восемь, а мечетей — двадцать пять. Ихъ узкіе, высокіе, бѣлые

Встрѣча съ двухтысячнымъ отрядомъ черкесовъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

минареты, выдѣляясь изъ зелени софійскихъ садовъ, дѣлають городъ издали замѣчательно красивымъ.

Софія широко раскинулась по равнинѣ и открыта со всѣхъ сторонъ. Валы и рвы, служившіе укрѣпленіемъ, обвалились; не большіе форты, находящіеся на восточной сторонѣ, не имѣють никакого значенія.

Отъ Софіи до Татаръ-Базарджика проэктировано устройство желѣзной дороги для связи съ Константинополемъ, полотно уже было готово, но дальнѣйшія работы остановлены еще до войны за недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Изъ Софіи по пути въ гор. Джума я встрѣтилъ партію черкесовъ въ 2000 всадниковъ, шедшую въ Плевно. Путь ихъ ознаменовался разграбленіемъ болгарскихъ селъ, уводомъ скота и насиліями.

Въ Джумѣ стояли нѣсколько таборовъ низама подъ команду Кейсерли-бея. Этотъ отрядъ на дняхъ долженъ былъ двинуться къ Эскизагрѣ.

Отъ Джумы до Шумлы, если миновать желѣзную дорогу, считаютъ отъ 10 до 12 дней пути. Благодаря превосходнымъ качествамъ моего коня, я употребилъ на этотъ переѣздъ всего четверо сутокъ, останавливаясь въ селеніяхъ лишь на столько времени, сколько нужно было для отдыха и корма лошади.

По дорогѣ мнѣ не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, если не считать перваго, по отъѣздѣ изъ Джумы, ночлега въ обществѣ цѣлой арміи баши-бузуковъ, спѣшившихъ въ Плевно. Эта разнокалиберная орда, состоявшая не менѣе какъ изъ 1000 человекъ, не имѣла еще вооруженія и надѣялась получить его изъ складовъ Плевны.

По прибытіи въ Шумлу, я нашелъ вѣрнаго человека, грека Николая Шикаржи и послалъ съ нимъ подробное донесеніе къ полковнику Артамонову въ Горный Студень.

Въ этомъ же донесеніи я позволилъ себѣ высказать мнѣніе относительно направленія могущей быть атаки нашихъ войскъ на укрѣпленный лагерь Горнаго Дубняка. По крайнему моему разумѣнію атака должна начаться изъ Дошняго Дубняка, къ которому русскимъ войскамъ лучше всего двигаться черезъ селенія Канчишля, Куприва и Комарово, при чемъ держаться праваго фланга, чтобы избѣжать нападенія кавалеріи зейбековъ, такъ какъ плоскія, мало пересѣченныя мѣстности, прилежающія къ лѣвому флангу, весьма удобны для дѣйствія кавалеріи.

Шумла принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей и гордится тѣмъ, что до сей поры ни разу не была взята русскими. Шумла лежитъ на восточной подошвѣ отдѣльнаго отрога горъ, совершенно отрѣзаннаго отъ главнаго Балканскаго хребта и носящаго общее названіе Шуменскихъ балканъ. Со всѣхъ сторонъ Шумла окаймлена почти отвѣсными скалами различной высоты съ весьма трудными подступами. Самый городъ построенъ въ узкой долинѣ, прорѣзанной глубокими оврагами. Высоты къ востоку отъ города спускаются къ нему отвѣсно, но къ сторонѣ равнины оканчиваются отголостью, похожею на гласисъ. Линія такихъ же холмовъ тянется вправо до Чингели и влѣво до Стражи, на протяженіи 8000 шаговъ. Всѣ эти возвышенности увѣнчаны фортами или заняты укрѣпленнымъ лагеремъ. Мѣстность вокругъ лѣсистая и пересѣченная, позволяющая непріятелю легко устраивать засады и нападать на отдѣльныя части съ превосходными силами. Подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ укрѣпленія исправлялись и усиливались новыми рядами траншей.

Въ Шумлѣ я пробылъ двое сутокъ и отсюда черезъ селеніе Проводы отправился въ Варну. Въ Проводахъ было устроено множество печей для приготовленія галетъ.

Иопуганные черкесы.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Войсками въ Варнѣ командовалъ Мухаремъ-паша, пока тутъ было всего шесть тысячъ солдатъ, но вслучаѣ осады, войска легко могли быть доставлены изъ Константинополя моремъ.

Городъ построенъ на самомъ берегу Чернаго моря при устьѣ рѣки Дивны, вытекающей изъ озера. Съ сѣвера и запада крѣпость примыкаетъ къ возвышенностямъ, съ востока омывается моремъ, съ юга заливомъ, образующимся при впаденіи Дивны въ море.

Сѣверная часть долины, въ которой расположена Варна, командуетъ крѣпостью и спускается къ морю крутыми откосами, съ юга городъ защищается большимъ болотомъ, за которымъ подымается рядъ холмовъ. Въ окрестностяхъ Варны нѣтъ ни одной возвышенности, которая господствовала бы надъ высотами, на которыя она опирается.

Городъ похожъ на всѣ турецкіе города: улицы узкія и грязныя, дома деревянные, замѣчательныхъ зданій нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ мечетей. Торговля Варны не замѣчательна, не смотря на то, что городъ соединенъ желѣзною дорогою съ Русукомъ. Дорога эта устроена съ цѣлью, преимущественно, стратегической, но чрезвычайно дурно и въ одинъ путь. Небольшой подвижной составъ врядъ ли былъ бы въ силахъ удовлетворить передвиженію значительной массы войскъ.

Изъ Варны я отправился въ Ямболь; сѣлъ здѣсь на желѣзную дорогу и проѣхавъ станціи Сухумъ-Кале, Караманли, Іенизагра, Канмагалеси и Карабунаръ, прибылъ въ Малый Тырновъ, гдѣ дорога раздѣляется: одна вѣтвь идетъ въ Филиппополь, а другая въ Адрианополе. Я свернулъ по послѣднему направленію. Двѣ изъ промежуточныхъ станцій между Малымъ Тырновомъ и Адрианополемъ, именно Дгмиръ-Дечь и Карагачъ были укрѣплены и здѣсь расположились довольно сильныя отряды турецкихъ войскъ.

Разговорившись съ попутчиками-офицерами, я узналъ отъ нихъ много интересныхъ вещей, между прочимъ и относительно доставки продовольственныхъ запасовъ и военныхъ снарядовъ. Военные грузы доставляются моремъ въ с. Чайзе и городъ Кавало на Егейскомъ морѣ; отсюда — черезъ Нигрито, Серасъ, Петралиге, Семовча, Карлово и Сопоть они транспортируются въ Троянъ и отсюда уже распредѣляются по разнымъ мѣстностямъ.

Перевозка сухимъ путемъ производится на подводахъ, собранныхъ посредствомъ реквизиціи у мѣстныхъ жителей. Часто волы и буйволы не возвращаются хозяевамъ, а конфискуются на довольствіе войскъ.

Въ Адрианополѣ я пробылъ два дня, т. е. столько, сколько мнѣ понадобилось для присканія посланца въ нашу главную квартиру. Болгаринъ, Николо Буяджи, родомъ изъ г. Джумы, взялся за это щекотливое порученіе и выполнилъ его, какъ я потомъ узналъ, весьма добросовѣстно.

Описывать Адрианополя я не стану, такъ какъ онъ ничѣмъ не отличается отъ большинства болгарскихъ городовъ съ смѣшаннымъ населеніемъ и превосходить ихъ только размѣрами. Замѣчательность города, безспорно, — мечеть Султанъ-Селима. Она господствуетъ надъ Адрианополемъ и могла бы занять не послѣднее мѣсто между лучшими «джевами» Стамбула. Мечеть эта перестроена изъ древняго христіанскаго храма Св. Феодоры.

Въ Адрианополѣ мнѣ пришлось присутствовать при казни четырехъ братьевъ, болгаръ изъ Іенизагры, обвиненныхъ въ возстаніи противу правительства, — *комитѣ*, какъ называютъ турки болгаръ, осмѣливающихся протестовать противъ ихъ невыносимаго гнета и своеволія. Иногда этотъ протестъ выражается въ самой невинной формѣ. Достаточно молодому болгарину надѣть барашковую

шапку съ крестомъ или европейскій костюмъ, чтобы прослыть за *комита* и ежеминутно дрожать за свою жизнь.

Казнь была назначена на 11 часовъ утра въ Ченгенэ-магалесси, т. е. въ цыганскомъ кварталѣ. Съ утра еще заплѣти гнали туда болгаръ, чтобы тѣ присутствовали при исполненіи турецкимъ правительствомъ важнаго акта правосудія (?!); турки шли по своей охотѣ полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ, какъ будутъ вѣшать гяуровъ, и къ назначенному времени толпа народа окружала висѣлицу.

Эта послѣдняя состояла изъ длинной перекладки, уложенной на двухъ довольно высокихъ столбахъ. Четыре веревки, закрѣпленныя одними концами у перекладки, въ нижнихъ концахъ образовывали петли, болтавшіяся на высотѣ четырехъ аршинъ отъ земли.

Вотъ, окруженные заплѣти, показались преступники..... Это совсѣмъ еще молодые люди и старшему изъ нихъ нельзя дать болѣе 26 лѣтъ. На ихъ истомленныхъ лицахъ трудно уловить какое-нибудь выраженіе. Они, какъ будто, не замѣчаютъ висѣлицы. Взоры ихъ устремлены куда-то вдаль и только толпа фанатиковъ, съ криками и проклятіями встрѣтившая осужденныхъ, на минуту привлекаетъ ихъ вниманіе. Они оглядываютъ эту толпу не то съ удивленіемъ, не то съ жалостью.....

Заплѣти, добровольно принявшій на себя роль палача, подходитъ къ младшему изъ мучениковъ, хорошенькому и пѣжному какъ дѣвушка, грубо срываетъ съ него куртку и тянетъ къ роковой перекладинѣ. Другой изувѣръ подставляетъ какъ-разъ подъ петлю скамѣйку и помогаетъ жертвѣ взобраться на нее... Еще моментъ и трупъ повисѣлъ въ пространствѣ..... Заплѣти хорошо сдѣлалъ свое дѣло.

Одного за другимъ повѣсили и остальныхъ «*комитовъ*»...

Странно было смотрѣть на ихъ изуродованныя мученіями, совсѣмъ почернѣвшія отъ прилива крови, лица.

Тѣла несчастныхъ, можетъ быть даже ни въ чемъ не повинныхъ молодыхъ людей, оставались на висѣльницѣ въ продолженіи 36 часовъ, и турки посылали туда болгаръ полюбоваться на дѣло рукъ своихъ.

29 іюля я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Филиппополь.

Филиппополь или, какъ называютъ его болгары, *Пловдивъ* — большой городъ, почти такой-же, какъ и Адриано-поль. Мѣстоположеніе его очень красиво. Среди обширной равнины высится семь холмовъ, соединенныхъ между собою кряжами. На этихъ-то холмахъ и выстроенъ городъ.

Отъ станціи желѣзной дороги къ городу ведетъ прекрасное широкое шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся огороды и фруктовые сады. Шоссе это при въѣздѣ въ городъ переходитъ въ булыжную мостовую, сложенную весьма неправильно изъ большихъ камней. Улицею, составляющею какъ-бы продолженіе шоссе, вы въѣзжаете на базаръ, расположенный на небольшой площадкѣ у главной мечети Филиппополя.... Налѣво, спускаясь къ рѣкѣ Марицѣ, видѣть крытая улица съ магазинами и кофейными по обѣимъ сторонамъ. Это самая торговая часть Филиппополя. Съ утра до вечера здѣсь кишитъ разнохарактерная толпа евреевъ, грековъ, армянъ, персіанъ, турокъ и болгаръ, обдѣлывающихъ свои коммерческія дѣлишки. Тутъ-же на небольшихъ жаровняхъ, прямо на воздухъ, готовятъ на шкарѣ или на шишѣ баранину и прижариваютъ «суджукъ» — что-то вродѣ нашей, такъ называемой, охотничьей колбасы. За піастръ (пять коп.) можно утолить голодъ, но неряшливость приготовленія и грязныя руки

поваровъ отвращаютъ аппетитъ, и нужно быть уроженцемъ востока, чтобы рѣшиться ѣсть эту стряпню. На этой-же улицѣ находится и Куршумъ-ле-Ханъ — Филиппопольскій гостинный дворъ — громадное четырехугольное зданіе съ большимъ мощенымъ дворомъ посрединѣ. Въ Куршумъ-ле-Ханъ помѣщаются главные мануфактурные склады и коммерческія конторы. Посреди двора, въ отдѣльномъ флигелѣ, находится кофейня, въ которой собирается весь торговый людъ потолковать о дѣлахъ, установить цѣны и заключать сдѣлки.

Базаръ обанчивается у моста, на Марицѣ около конака, большого зданія, заключающаго всѣ присутственныя мѣста Филиппопольскаго вилаета.

Направо отъ моста, по Марицѣ тянутся дома турецкаго квартала. Верхнюю часть города занимаютъ греческій и армянскій кварталы. Тутъ находится много очень хорошихъ домовъ, выстроенныхъ въ восточномъ вкусѣ, съ вымощенными мраморными плитами, дворами и хорошенками, скорѣе игрушечными садиками. На горѣ-же, не подалеку отъ греческой церкви, стоитъ домъ русскаго консула, на воротахъ котораго въ мирное время красовался двуглавый орелъ.

Марица съ многочисленными островами, поросшими роскошными вязами, придаетъ много прелести общему ландшафту; у Филиппополя она достигаетъ болѣе 100 сажень ширины.

Со всѣхъ сторонъ, куда только хватитъ глазъ, городъ окруженъ рисовыми плантаціями, половину лѣта залитыми водой; поэтому климатъ Филиппополя нельзя назвать здоровымъ. Тутъ свирѣпствуютъ сильныя лихорадки, начинающіяся съ половины іюня, когда отцвѣтеть рисъ. Отъ этихъ лихорадокъ страдаютъ не только пріѣзжіе, но и старожилы — мѣстные уроженцы.

Филиппополь не имѣть укрѣпленій, но возвышенное положеніе надъ окружающею мѣстностью весьма способствуетъ къ преобразованію его, въ случаѣ нужды, въ сильную крѣпость.

Въ Филиппополѣ мнѣ пришлось купить лошадь и нѣсколько видоизмѣнить костюмъ. Изъ торговца я преобразился въ баши-бузука и въ этомъ нарядѣ переехалъ въ Сербію. Отсюда, переправившись чрезъ Дунай по прежнему противу Турно-Северина, проѣхалъ почти всю южную Молдавію по желѣзной дорогѣ и наконецъ добрался до Систово. Наша главная квартира переехала между тѣмъ отсюда верстѣ за сорокъ, въ болгарское село Горный-Студень.

Жалкая деревушка была переполнена военными. Событія послѣдняго времени: отступленіе передоваго отряда изъ-за Балканъ и «двѣ Плевны» — дали себя знать..... Куда дѣвался тотъ вызывающій видъ, тѣ одушевленные успѣхомъ лица, какія мнѣ пришлось наблюдать въ іюнѣ, послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай?... Госпитали переполнились ранеными. Болгарскіе бѣглецы, оставившіе «долину розъ» вмѣстѣ съ войсками передоваго отряда генерала Гурко, наполнили села и города Придунайской Болгаріи и положеніемъ своимъ еще болѣе усиливали общее уныніе. Солдатамъ и офицерамъ было какъ будто не по себѣ при встрѣчѣ съ этими несчастными, изъ которыхъ многіе во время бѣгства растеряли дѣтей, разлучились съ отцами и матерями и не знаютъ какая участь постигла ихъ.

Картины войны, болѣе вѣрное названіе которыхъ «хаосъ» и «разрушеніе» предстали во всей своей наготѣ и нисколько не походили на тѣ красивые этюды съ тройными рядами солдатъ и блестящими выхолощенными пушками, какія рисуютъ заурядные баталисты.

Въ Горномъ-Студнѣ я явился къ полковнику Артамонову и далъ ему самое подробное донесеніе о всемъ видѣнномъ мною въ пути.

Путешествіе крайне утомило меня и, по совѣсти говоря, я не охотно принялъ-бы новое порученіе.

Мнѣ казалось, кромѣ того, что служба моя не приносить особенной пользы общему дѣлу, а каждый трудъ пріятенъ лишь тогда, когда видишь благопріятные, во всякомъ случаѣ осязательные, результаты, а именно этихъ-то результатовъ я и не видѣлъ. Повидимому, моимъ сообщеніямъ или мало вѣрили, или не придавали той важности, какой онѣ въ дѣйствительности заслуживали; иначе чѣмъ объяснить тѣ атаки плевненскихъ позицій противу непріятеля, о превосходныхъ силахъ котораго я своевременно писалъ Штабу.

Сомнѣнія свои я высказалъ г. Артамонову. Онъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что начальство признательно относится къ моей службѣ, но что «война — не красносельскіе маневры, гдѣ все предугадано и рассчитано заранее; часто случайность и военная необходимость вынуждаютъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, кажушимся на первый разъ просто безумными».

— «Ваши поѣздки были, такъ сказать, пробнымъ камнемъ, добавилъ полковникъ, теперь мы узнали васъ и поэтому, какъ ни желательно-бы было дать вамъ возможность отдохнуть, но обстоятельства вынуждаютъ меня потребовать у васъ всей силы и энергіи, которыя понадобятся вамъ очень и очень скоро, — можетъ быть даже завтра».

Я съ удивленіемъ вскинулъ на него глазами.

— «Но, полковникъ, вѣдь я только сейчасъ пріѣхалъ?....

— «Что-же дѣлать, любезный Фаврикодоровъ! Теперь

время горячее.... Вы у меня молодецъ.... Идите, отдохните хорошенько. Надѣюсь, завтра вы будете въ лучшемъ расположеніи духа и соберетесь съ силами настолько, что сможете объѣхать полъ-свѣта. Къ тому-же на этотъ разъ вамъ не придется ѣхать очень далеко. Съ этого времени вамъ назначается спеціальная обязанность слѣдить за Османъ-пашею и доносить намъ о всемъ, что дѣлается въ Плевнѣ».

На этомъ мы и разстались.

ГЛАВА VI.

Незавидное положеніе. Какъ я пробрался въ Плевну. Дядо-Василь. Опять рахатъ-лукумъ. Положеніе плевненскихъ болгаръ и отношенія ихъ съ турецкимъ кварталомъ. Миртовые вѣйки. «Рѣжьте гиуровъ!» Насколько виновать Османъ паша въ турецкихъ звѣрствахъ.

Новое порученіе, которое давалъ мнѣ г. Артамоновъ, ставило меня въ весьма неопредѣленное и далеко незавидное положеніе. Если мои пробныя, какъ онъ выразился, поѣздки оказались удовлетворительными, то, слѣдовательно, я долженъ былъ считать себя, такъ сказать, принятымъ на службу; а съ понятіемъ о послѣдней непременно связано какое-нибудь вознагражденіе.

И человѣкъ — не богатый и семейный; пробныя поѣздки мнѣ обошлись въ порядочную сумму и, естественно, слѣдовало подумать о будущемъ. Служба лазутчика тѣмъ и не хороша, что она не официальная. Вы не числитесь ни въ какихъ спискахъ, и, въ случаѣ смерти, о васъ сейчасъ-же забываютъ.

Странно, думалъ я, отчего полковникъ ни однимъ словомъ не заикнулся о вознагражденіи. Зачѣмъ такая неопредѣленность?.... Почему не сказать человѣку прямо:

«вотъ за твой трудъ тебѣ будетъ заплачено столько-то; въ случаѣ-же смерти, твое семейство будетъ обезпечено такимъ-то пенсіономъ».... Моя роль достаточно увлекла меня, чтобы я ее бросилъ безъ всякаго сожалѣнія, — но, во всякомъ случаѣ, я не долженъ былъ забывать семьи, которой я оставилъ уѣзжая, весьма небольшіе капиталы.

Кромѣ того, будущая моя служба была сопряжена съ несравненно большими трудностями и опасностью. Отправляясь въ Плевно за свѣдѣніями по прежнему въ объѣздъ — значило-бы терять слишкомъ много времени. Нужно, значить, пробираться туда непосредственно чрезъ турецкіе аванпосты и возвращаться тѣмъ-же путемъ. Это не такъ легко въ особенности, послѣ нашихъ попытокъ 8-го и 18-го іюля, хорошо караулили Плевну и имѣли возможность, по численности войскъ, ставить густые секреты.

Всѣ эти соображенія я высказалъ г. Артамонову, являсь къ нему на другой день за приказаніями.

— «Мы отлично сознаемъ всю трудность вашей задачи, г. Фаврикодоровъ, и повѣрьте съумѣемъ вознаграждать васъ, отвѣтить мнѣ полковникъ на мои доводы, — въ случаѣ-же, чего не дай Богъ, вы попадете къ туркамъ, — умирайте съ мыслию, что семья ваша будетъ совершенно обезпечена».

Съ такимъ увѣреніемъ я, не колеблясь далѣе, отправился исполнять данное мнѣ порученіе.

Прибывъ въ селеніе Рыбинъ, я предъявилъ начальнику расположеннаго тамъ отряда пропускъ, данный мнѣ начальникомъ вожатыхъ и остающееся до вечера время употребилъ на знакомство съ мѣстностью.

Крутые, почти отвѣсные берега Вида подали мнѣ мысль пробраться въ районъ расположенія турецкихъ

войскъ, слѣдуя по теченію этой рѣки. Непріятельскіе секреты расположены были по хребту прибрежной возвышенности, и ночью подъ навѣсомъ скалъ я могъ пройти не замѣченнымъ.

Лишь только смерклось, мнѣ дали проводника до русской цѣпи и, миновавъ ее, я направился къ Виду. Было уже совсѣмъ темно, когда я пробрался къ рѣкѣ. Влѣво отъ меня рисовался силуэтъ какого-то зданія, часть котораго совершенно повисла надъ водою, почему я заключилъ, что это, должно быть, мельница. Полагая ее оставленною хозяевами, я пошелъ къ ней, чтобы переодѣться во взятый съ собою турецкій костюмъ, а свое платье спрятать тамъ до возвращенія.

Однако, на мельницѣ кто-то хозяйничалъ. Черезъ щели расдавшихся досокъ видѣлся свѣтъ.... Нужно быть осторожнѣе. Быть можетъ туда забрались турецкіе солдаты.... Ползкомъ я подкрался къ самой стѣнѣ и заглядываю въ расщелину. Кто-то сидитъ, поджавши подъ себя ноги, около очага, на которомъ догораетъ нѣсколько сучьевъ. По одеждѣ — болгаринъ, — на головѣ шапка, турки шапокъ не носятъ. Должно быть, это хозяинъ, тоскующій за бездѣльемъ.

Убѣдившись, что никого другаго на мельницѣ нѣтъ, я постучался.

— «Кто тамъ? спрашиваетъ меня по-болгарски старческій голосъ.

— «Свой человѣкъ».

— «Что хочешь?»

— «Выйди на минуту—есть дѣло».

Скрипнуть дверь на заржавленныхъ петляхъ, и ко мнѣ выходитъ высокая, нѣсколько согнувшаяся, фигура... «Добрый вечеръ!», привѣтствую я ее по-болгарски.

Сѣдой, какъ лунь, но бодрый еще старикъ удивленно разглядываетъ меня. Повидимому мой костюмъ смущаетъ его. «Что за чортъ, должно быть, разсуждаетъ про себя, по языку — точно-бы и болгаринъ, а вѣдь не болгаринъ».

— «Что ищешь?» допрашиваетъ онъ меня.

— «Нѣтъ здѣсь турокъ?»

— «Есть», отвѣчаетъ старикъ, сопровождая свой отвѣтъ обычнымъ киваньемъ головы, скорѣе похожимъ на отрицаніе.

— «Гдѣ? испуганно спрашиваю я.

— «Тамъ, наверху», и старикъ указываетъ рукою по направленію къ Упанцу...

— «А, тамъ! Ну, это ничего.... А здѣсь нѣтъ?....

— «Тука нема и опять кивокъ, какъ будто-бы въ дѣйствительности турокъ здѣсь цѣлый таборъ.

Болгаринъ, да еще старикъ и съ такою добродушною, почтенною наружностью — измѣнникомъ быть не можетъ. И Дядо-Василь, такъ звали мельника, дѣйствительно, измѣнникомъ не былъ.

Мы входимъ на мельницу и въ нѣсколькихъ словахъ я объяснилъ, съ какою цѣлью сюда пожаловалъ.

Старикъ слушалъ меня и сомнительно покачивалъ головою, вѣроятно считая меня за безумнаго.

— «Момче мое! не вырви тамъ, ке те изъядатъ турски тѣ кучи», отговаривалъ онъ меня отъ рискованнаго предпріятія и, конечно, безъ успѣха.

Я переодѣлся туркомъ; при мнѣ былъ и паспортъ на имя Хассана-Демержи-оглу, пріобрѣтенный въ Виддинѣ; отдалъ болгарину на сохраненіе свое платье, посоветовавъ припрятать его подальше, и вышелъ изъ мельницы. На дворѣ мы распрощались. Добрый старикъ обнялъ меня,

благословилъ, еще разъ напомнилъ о собакахъ туркахъ и мы разстались.

Трудная мнѣ предстояла дорога. Въ иныхъ мѣстахъ рѣка касалась самыхъ скалъ и мнѣ пришлось брести по грудь въ водѣ, стараясь производить возможно меньше шуму. Въ другихъ — турецкіе пикеты расположились такъ близко отъ берега, что мнѣ приходилось ползкомъ пробираться мимо часовыхъ, слыша часто ихъ отрывочныя фразы, которыми они переговаривались между собою. Наконецъ, я добрался до мѣста, гдѣ впадаетъ въ Видъ ручеекъ Баръ, протекающій посреди Плевны. Тутъ я былъ уже въ центрѣ расположенія турецкихъ войскъ. Вдали, передо мною мелькали огни Плевны. Я поднялся на гору, вышелъ на дорогу, идущую по берегу Бара и направился къ городу. Безъ труда я разыскалъ «Хапъ», гдѣ останавливался въ первый мой прїѣздъ въ Плевну и расположился здѣсь на почлегъ. Хозяевамъ моимъ я объявилъ, что прїѣхалъ подводю изъ Софіи и намѣренъ снова заняться прежнимъ ремесломъ, т. е. продажей рахатъ-лукума. Описывать изо дня въ день пребываніе мое въ Плевнѣ я не стану, такъ какъ эти дни «плевненскаго сидѣнія» были очень похожи одинъ на другой. Съ этой поры я буду касаться лишь тѣхъ эпизодовъ, которые выдавались своимъ интересомъ и могутъ въ общемъ дать нѣкоторое понятіе о жизни осажденнаго города и запертой въ немъ арміи.

Всеі рассказы о минувшей войнѣ сходятся относительно того факта, что Османъ-паша былъ чуть-ли не единственнымъ турецкимъ генераломъ, который строго запрещалъ своимъ солдатамъ обижать болгаръ. Такъ было и въ дѣйствительности. Онъ безъ особенно строгихъ мѣръ умѣлъ сдерживать въ извѣстныхъ границахъ звѣрскіе инстинкты своихъ мстительныхъ и фанатичныхъ подчинен-

ныхъ и установить довольно сносныя отношенія между болгарскимъ и турецкимъ кварталами.

Мнѣ памятенъ одинъ случай — чуть было не окончившійся весьма трагически для христіанскаго населенія обложеннаго города, если-бы не энергическое вмѣшательство этого почтеннаго генерала.

Это было вскорѣ послѣ штурма 30-го августа. Турецкіе солдаты, выбитые изъ Гривицкаго редута и Зеленыхъ горъ, бѣжали въ Плевно и распространили въ ней панику. По словамъ этихъ трусовъ дѣло было совершенно проиграно и «московы» должны съ минуты на минуту ворваться въ городъ.

Подобная новость въ обоихъ лагеряхъ была встрѣчена, конечно, совершенно различно. Перепуганные обыватели-турки стали укладывать имущество, чтобы выбраться изъ города, а болгары приободрились, повылѣзли изъ своихъ подваловъ, гдѣ они сидѣли уже нѣсколько сутокъ во время предшествовавшей штурму сильной канонады, и нѣкоторые, болѣе легкомысленные, поспѣшили даже украсить крестами свои шапки и повѣсить миртовые вѣнки надъ воротами домовъ, чтобы достойно встрѣтить давно желанныхъ русскихъ.

Суматоха вскорѣ утихла. Нѣсколько адъютантовъ и запѣвѣвъ, разлѣзая по городу, успѣли успокоить правовѣрныхъ и увѣрить ихъ въ полнѣйшей безопасности. Болгары, не видя долго русскихъ солдатъ, также поспѣшили скорѣе припрятать свои слишкомъ преждевременные символы овацій и превратиться въ покорнѣйшихъ слугъ султана.

Но съ какою поспѣшностью ни срывались съ шапокъ кресты и миртовые вѣнки съ домовъ, турки однакоже замѣтили эти запрещенные предметы и въ душѣ у нихъ

шевельнулось чувство злобы противъ лицемѣрныхъ гяуровъ.

Ихъ муфти воспользовались случаемъ, чтобы еще болѣе раздуть эту злобу и сдѣлали изъ него тему для проповѣдей. «Видите, правовѣрные, разглагольствовали они передъ распростершимися слушателями, какъ велика мудрость Магомета, повелѣвшаго не довѣрять невѣрнымъ и истреблять ихъ безъ всякой жалости. Нашъ славный паша, да ниспошлетъ ему Аллахъ побѣду, явилъ свою милость и даровалъ жизнь райямъ. Чѣмъ же они платятъ за такое благодѣяніе?... Чуть только счастье на минуту измѣнило (на все воля Аллаха!) нашимъ храбымъ войскамъ и эти подлые рабы готовы уже поднять руку на насъ — ихъ законныхъ господъ и благодѣтелей!...»

Результаты подобныхъ рѣчей не замедлили вскорѣ обнаружиться. Однажды утромъ все болгарское населеніе было въ страшномъ волненіи. Мужчины, женщины, дѣти, — однимъ словомъ, все живое металось по улицамъ какъ сумасшедшее и спѣшило къ конаку. Плачь, вой, рыданія — просто раздирали душу. Сначала трудно было даже разобрать — въ чемъ дѣло. Явились власти, прибылъ городской голова и насилу добились толку.

Правда, было отъ чего переполошиться несчастнымъ болгарамъ. Съ утра «телялы» (глашатаи), расхаживая по улицамъ турецкаго квартала, приглашали всѣхъ правовѣрныхъ мужескаго пола, отъ семи до семидесяти лѣтъ, взяться за оружіе и истребить всѣхъ гяуровъ.

Собралась депутація и съ Златаномъ Чорбаджею во главѣ отправилась въ лагерь просить заступничества Османъ-паша. Тотъ немедленно пріѣхалъ въ городъ и велѣлъ позвать турокъ. — «Вотъ вамъ врагъ, указывалъ онъ собравшимся туркамъ на русскія батареи; если хотите крови, я велю дать вамъ оружіе — ступайте драться на

позицій. Если же кто тронетъ беззащитныхъ болгаръ, то будетъ строго наказанъ.... Не забывайте, что они подданные нашего великаго падишаха». Слова Османъ-паши подействовали и рѣзня на этотъ разъ была предупреждена.

Если турецкіе солдаты позволяли себѣ звѣрства надъ ранеными русскими, то это происходило никакъ уже не на глазахъ главнокомандующаго. Плевненская армія состояла сначала изъ отборныхъ войскъ, но подъ конецъ пополнялась разнымъ сбродомъ изъ отрядовъ разбойника Шевкетъ-паши, и Османъ-пашу нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за поступки этихъ негодаевъ.

Мнѣ памятенъ еще другой эпизодъ, свидѣтельствующій о способахъ, къ какимъ прибѣгали плевненскіе турки, чтобы держать въ страхѣ болгаръ, къ которымъ послѣ описаннаго случая, съ миртовыми вѣтками, они относились крайне недовѣрчиво.

Какой-то бани-бузукъ привезъ въ городъ голову русскаго. Турки водрузили ее на колъ и гнали болгаръ смотрѣть на эту отвратительную картину. «Такъ и съ вами будетъ поступлено, если вы не бросите глупыхъ мыслей о свободѣ», говорили они болгарамъ, и «братушкамъ» ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ прославлять падишаха и бранить «москотовъ». Нѣкоторые, чтобы выказать съ лучшей стороны свои вѣрноподданинческія чувства даже плевали на «голову» гаура и заслуживали за это благосклонной похвалы своихъ благодѣтелей.

Я даже какъ-то говорилъ, что плевненскіе болгары еще за додго до обложенія города припрятали свои запасы въ своихъ дворахъ; они рыли ямы, обкладывали ихъ цыновками и ссыпали туда зерно. Предусмотрительность эта спасла ихъ отъ голодной смерти, такъ какъ подъ конецъ осады трудно было достать муки даже за большія деньги.

Менѣе заботливые турки, полагающіеся во всемъ на «кисметъ» (предопредѣленіе), страдали отъ недостатка провіанта гораздо болѣе и военное начальство вынуждено было приходить къ нимъ на помощь и выдавать съѣстные припасы изъ казенныхъ складовъ. Поэтому Османъ-паша всѣми силами поощрялъ эмиграцію, а очень нуждавшихся просто выгонялъ изъ города.

Осень принесла съ собою тифъ, отъ котораго перемерло не мало люду. Лишенные медицинской помощи (военнымъ докторамъ и безъ нихъ было много дѣла), больные болгары переносили страшныя страданія и заражали другихъ. Случалось, что жертвами тифа становилась вся семья. Хоронили несчастныхъ безъ гробовъ, а просто какъ собакъ наваливали на повозку и отвозили за городъ. Бывали смертныя случаи и отъ снарядовъ, залетавшихъ въ городъ. На моихъ глазахъ, 22-го августа, у церкви св. Параскевы граната убила двухъ молодыхъ хорошенькихъ болгарскихъ дѣвушекъ, несшихъ работу — они занимались шитьемъ. Однажды снарядъ разорвало во дворѣ болгарина Ильи Червенкоглу. Громадный осколокъ пробилъ стѣну, нѣсколько перегородокъ и упалъ у самыхъ ногъ спящаго ребенка, не причинивъ ему однакоже никакого вреда. Не такъ счастливо отдѣлалась семья другого болгарина, Ходжи Станко, если не ошибаюсь. Граната пробила крышу и упала какъ-разъ въ миску, кругомъ которой сидѣло за обѣдомъ человекъ шесть или семь взрослыхъ и дѣтей. Двумъ, махавшимъ въ эту минуту въ миску хлѣбъ, оторвало руки, кромѣ того обрушившимся балками и черепицей и остальнымъ были нанесены болѣе или менѣе серьезные ушибы.

Вообще всѣмъ, какъ болгарамъ, такъ и туркамъ, не сладко жилось въ Плевнѣ въ эту памятную осень.

ГЛАВА VII

и

ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ осажденной Плевнѣ. Сношенія мои съ русской главной квартирой. Положеніе турецкой арміи. Награда Осману-пашѣ. Военный Совѣтъ 13 ноября. Ночью въ могилѣ. Неудачная попытка. Встрѣча русскихъ войскъ.

Въ Плевнѣ, какъ уже извѣстно читателю, я занимался приготовленіемъ и продажей рахатъ-лукуму. Бывало, съ утра — лотокъ на голову и пойду себѣ шататься по позиціямъ. Торговля шла, конечно, плохо. Турецкій солдатъ не могъ похвастаться изобиліемъ монеты, да, наконецъ, — не до сладостей въ ложементax. Покупали мой товаръ преимущественно офицеры, и скоро во всѣхъ лагеряхъ знали Хассана и принимали его любезно. Не разъ мнѣ приходилось продавать лукумъ даже ординарцамъ Османа, а съ его прислужой — камердинеромъ и «чубукджи» я скоро сдѣлался большимъ пріятелемъ. Я прикидывался простакомъ, совершеннымъ простофилю въ военномъ дѣлѣ, всему удивлялся, и часто офицеры рассказывали мнѣ такія вещи, которыя, вообще, принято считать военною тайною.

Замѣчательно, что о нѣкоторыхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ русскихъ войскъ турки часто знали заранѣе. Такъ напримѣръ, о штурмѣ 30-го августа здѣсь говорили за недѣлю и при такихъ условіяхъ не мудрено было приготовиться и встрѣтить непріятеля какъ слѣдуетъ. Шатаясь въ Дулюмъ-сусъ, гдѣ была ставка Османа-паши и его начальника штаба, я не разъ видѣлъ, какъ туда входили какія-то темныя личности — не то братушки, не то цыгане. На мой наивный вопросъ, какое дѣло могутъ имѣть эти люди къ пашѣ и зачѣмъ-де ему знаться съ такою сволочью, спрашиваемый солдатикъ или офицеръ только ухмылялись: «Паша любитъ гяуровъ»....

— Какъ! чтобы паша любилъ этихъ собакъ, да это быть не можетъ? удивлялся я.

— Ну, такъ поди спроси его — о чемъ онъ съ ними разговариваетъ.

Конечно, я не требовалъ отчета у Османа, зная отлично — кто эти люди.

Какой-то русскій писатель рассказываетъ въ своей исторіи послѣдней турецкой войны, что турки заставляли шпионить болгаръ, употребляя слѣдующую уловку: они, молъ, оставляли въ лагерѣ заложниками жену и дѣтей болгарина, а самого его посылали къ русскимъ.... Въ этомъ мало вѣроятія. Турки не такъ просты, чтобы довѣрять такимъ шпионамъ, такъ какъ врядъ-ли свѣдѣнія, доставляемые ими, могли отличаться особенною достовѣрностью. Памятуя о женѣ и дѣтяхъ, такой подневольный лазутчикъ навѣрное привиралъ-бы, чтобы угодить туркамъ. Нѣтъ, турецкая армія имѣла шпионовъ, этими шпионами были болгары, и шпионили они не потому что паша забралъ у нихъ женъ и дѣтей, а просто шли за вознагражденіе, или потому, что были давнишніе друзья туркамъ и вовсе не желали ихъ паденія.

Такихъ болгаръ, которымъ во времена турецкаго владычества жилось не дурно и которые вовсе не желали переменъ, предвидя свое собственное матеріальное паденіе, въ Болгаріи было не мало. Они есть и теперь, и остальное населеніе считаетъ ихъ за болѣе опасныхъ враговъ для развивающагося государства, чѣмъ самыхъ турокъ. Это — мирофды, для которыхъ рѣшительно все равно, кто править Болгаріей — турокъ-ли или русскій, мадьяръ или грекъ — лишь-бы въ странѣ господствовалъ произволъ, при которомъ такъ удобно «ловить рыбу въ мутной водѣ». Эти-то господа и были доброхотными шпионами.

О томъ, что дѣлается въ другихъ отрядахъ своихъ собственныхъ войскъ, турки имѣли иногда самыя превратныя свѣдѣнія. Командиры отдѣльныхъ корпусовъ не считали себя обязанными извѣщать другъ друга о своемъ положеніи и дѣлали исключенія лишь въ томъ случаѣ, если имъ удавалось одерживать верхъ надъ русскими. Тогда они раздували въ громадное сраженіе, въ сущности, пустую, не имѣющую особенныхъ результатовъ, перестрѣлку и телеграфировали о ней своимъ товарищамъ. «Пускай, молъ, побѣдятся отъ зависти».

Если Плевна такъ долго держалась противъ русскихъ, то это случилось, главнымъ образомъ, благодаря единству власти въ плевненской арміи, всю власть надъ которой забралъ въ свои руки Османъ-паша, сдѣлавъ изъ другихъ пашей покорнѣйшихъ своихъ слугъ, которыхъ, если онъ и приглашалъ въ военные совѣты, то уже никакъ не ради совѣщаній, а просто за полученіемъ дислокацій и распоряженій.

Трудность моей службы въ Плевнѣ заключалась еще въ рискѣ, сопряженномъ съ передачею собираемыхъ свѣдѣній въ нашу главную квартиру. Выбраться изъ Плевны было также трудно, какъ и пробраться туда. Однако, что же дѣлать — не посвятить же себя исключительно наблюденію за жизнью осажденнаго города, чтобы впослѣдствіи написать разсказъ. Въ арміи поговаривали — будто-бы Османъ желаетъ перейти въ наступленіе. Назначали даже день, кажется 22 августа. Такую важную новость, хотя она и дошла до меня въ видѣ слуха, всетаки слѣдовало передать г. Артамонову. Поэтому 14 или 15-го августа, хорошенько не помню, я рискнулъ выбраться изъ Плевны. Выбравъ для этого прежнюю дорогу по теченію Вида, я благополучно выбрался до мельницы дѣдушки Василья. — Отсюда мнѣ предстояло пробраться черезъ русскіе секреты

возможно осторожиѣе, чтобы какой-нибудь солдатикъ съ перепугу не огорошилъ меня выстрѣломъ. Ночь была темная, погода пресквернѣйшая и мнѣ стоило большихъ усилій добраться до селенія Рыбинъ. Первый попавшійся солдатикъ провелъ меня къ ротному командиру, который, убѣдившись по бывшей у меня бумагѣ, что я посланный главной квартирой, угостилъ меня доброю чаркой водки и далъ лошаденку съѣздить въ Горный Студень.

Третій разъ я отправился въ Плевну 7-го сентября и засталъ уже въ Рыбинѣ румынскія войска, съ которыми имѣлъ не мало хлопотъ, пока меня поняли и рѣшились отпустить къ Артамонову, давъ мнѣ впрочемъ въ провозатые двухъ колорашей.

Въ обѣ эти поѣздки я пробылъ въ Горномъ Студнѣ всего по нѣсколько часовъ и далъ обстоятельный отчетъ о всѣхъ плевненскихъ укрѣпленіяхъ, а также и относительно продовольствія. Кроме того, по требованію полковника нарисовалъ расположеніе городскихъ площадей и улицъ съ обозначеніемъ главнѣйшихъ зданій.

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца въ Плевнѣ стоялъ упорный слухъ о прибытіи подкрѣпленій съ боевыми снарядами и зимней одеждой, которая въ особенности нужна была оборвавшимся на позиціи солдатамъ.

Начальникомъ вспомогательныхъ войскъ отряда называли Шевкета-пашу и ждали его съ единственной дороги, оставшейся пока въ распоряженіи турокъ, — изъ Софіи. Передать эти свѣдѣнія начальнику вожатыхъ я поручилъ болгарину, который помогалъ мнѣ готовить сладости и съ которымъ я очень скоро сошелся — настолько, что рѣшился повѣрить свой секретъ. Онъ отправился въ главную квартиру тою-же дорогою, которою и я пользовался.

Многочисленность русскихъ войскъ была причиною, что попытки Шевкета не встрѣтили серьезнаго отпора и

онъ успѣлъ пробиться въ Плевно. Впрочемъ, помощь его была весьма ограничена. Болѣе всего плевненская армія нуждалась въ снарядахъ, а ихъ-то и прислали менѣе всего, такъ что съ этой поры турецкіе батареи должны были беречь заряды и отвѣчали русскимъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Около того-же времени Османъ-паша за удачное отбитіе штурма 30-го августа и вообще за удачную оборону Плевны противу русскихъ получилъ отъ Султана въ награду золотую саблю, украшенную драгоценными камнями. Эта милость падишаха была отпразднована парадомъ, на которомъ присутствовали всѣ свободныя войска. Главнокомандующій, объявляя о полученной наградѣ, между прочимъ, выразился, что не надѣнетъ этотъ знакъ высочайшей милости до тѣхъ поръ, пока совершенно не прогонитъ русскихъ. Какъ послѣдствія доказали — онъ не сдержалъ своего слова, что не мѣшаетъ ему, однако, красоваться, теперь въ этой арміи на султанскихъ смотрахъ и парадныхъ приемахъ въ Дольма-Бахче.

Удачная поѣздка моего «братушки» въ главную квартиру, изъ которой онъ возвратился здоровъ и невредимъ, внушила мнѣ мысль отправить его туда вторично, тѣмъ болѣе, что въ положеніи турецкой арміи произошли кое какія перемѣны и, главное, блокада возымѣла уже настоящее дѣйствіе. Порціи войскамъ были уменьшены, доктора жаловались на недостатокъ медикаментовъ, а тутъ еще, какъ нарочно, тифъ развивался все сильнѣе и сильнѣе. Плевна была уже совершенно обложена и для нея наступили послѣдніе дни.

Пославъ «братушку» въ русскій лагерь 27 октября, я тщетно ожидалъ его цѣлыхъ три дня. Онъ — какъ въ воду канулъ. Нечего дѣлать — приходилось отправляться самому.

На этотъ разъ путешествіе чуть было не окончилось катастрофою. Около Биволяра, въ сильномъ туманѣ, я совершенно заблудился. Темень была такая, что въ двухъ шагахъ передъ собою ничего не видно. Съ неба падало — не то дождь, не то снѣгъ, — какія-то липкія холодныя капли... Грязь не проходима. Вытащишь одну ногу, а другая уже — поколѣно ушла въ болото. Гдѣ почва идетъ по спуску — тамъ просто приходилось съѣзжать сидя, такъ было скользко.

Къ довершенію всего, я оборвался съ какого-то обрыва и упалъ съ довольно порядочной высоты, сильно стукнувшись затылкомъ. Ушибъ былъ такъ силенъ, что я лишился чувствъ. Прележавъ безъ сознанія, должно быть, часа два, я очнулся, когда уже начало свѣтать. Туманъ окончательно мѣшалъ мнѣ оріентироваться. Весь мокрый, въ грязи и дрожа отъ холоду, я побрелъ на удачу. Въ эту минуту мнѣ было рѣшительно все-равно — попаду ли въ туркамъ или въ русскимъ, — лишь-бы добраться до людей, такъ меня уходило.

Судьба, однакоже, сжалилась надо мной и привела меня въ Б. Рыбинъ. Оттуда, только къ вечеру я добрался до Богота, куда перешла главная квартира. На этотъ разъ мнѣ дали отдохнуть цѣлый день и я отправился назадъ въ Плевню уже 2-го ноября. Это было мое послѣднее путешествіе. О «братушкѣ», моемъ помощникѣ, я узналъ только, что письмо имъ доставлено, а потомъ куда онъ дѣвался — никто объяснить мнѣ не могъ: — «мало-ли ихъ тутъ шляется», отвѣчали мнѣ на мои распросы.

Отвратительно скверно было положеніе русскихъ солдатъ подъ Плевною. Размѣстились они по жалкимъ лачугамъ и землянкамъ, выстроеннымъ изъ рукъ вонъ плохо и неряшливо, хотя подъ руками не было недостатка въ матеріалѣ. Ложементы, гдѣ приходилось имъ проводить

Ладеніе съ горы Фивуларъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

иногда по нѣсколько сутокъ, были просто ямы, въ которыхъ по колѣно стояла грязь. Я не преувеличу, если скажу, что русская осадная армія прожила всю осень прямо подъ открытымъ небомъ. Не то было у турокъ. Какимъ образомъ они ухитрялись — не знаю, — но даже въ траншеяхъ у нихъ было, сравнительно сухо. Вездѣ устроены маленькіе навѣсы изъ вѣтвей, гдѣ могъ-бы укрыться отъ дождя солдатъ. О лагерныхъ помѣщеніяхъ и говорить нечего. Свои прекрасные, не пропускающіе дождя палатки, они огараживали валиками, чтобы подъ палатку не пробиралась вода, и въ такихъ палаткахъ было всегда сухо. Въ другихъ мѣстахъ низамы понастраивали землянки съ прочными крышами, просторныя и нерѣдко съ очагомъ. Офицерскія землянки были похожи, скорѣе, на домики и, сколько мнѣ приходилось видѣть, отоплялись желѣзными печками. Какъ офицеръ, такъ и солдатъ въ турецкой арміи, послѣ службы на позиціи, въ резервѣ могъ весьма удобно отдохнуть, обсушиться и обогрѣться.

Моя торговля шла себѣ по-маленьку. Правда, многіе начали забирать въ долгъ, но это не особенно меня печалило. Съ прислугою Османъ-паши я сошелся прекрасно и часто мѣнялъ у нихъ свой рахатъ-лукумъ на хорошій хлѣбъ, ставшій въ послѣднее время рѣдкостью, доступною только главнымъ офицерамъ.

Солдатамъ выдача галетъ была сокращена до 50-ти драмъ въ сутки, но послѣ 13-го ноября вновь начала выдаваться обыкновенная, даже нѣсколько усиленная, порція.

Причиною такой перемѣны было непрібытіе транспортовъ (о нихъ перестали думать, такъ какъ желѣзное кольцо охватило Плевну уже со всѣхъ сторонъ и становилось все уже и уже), а предпринятое Османъ-пашею намѣреніе прорваться сквозь могучіе уже ряды русской арміи. 13-го ноября былъ собранъ военный совѣтъ, на

которомъ рѣшено: съ 25-го ноября вывозить всѣ годныя орудія къ Сеиръ-Базару, туда-же свозить всѣ оставшіеся военные запасы и знамена, а 28-го или 29-го, подготовившись артиллерійскимъ огнемъ, обрушиться на русскія войска. На другой-же день я послалъ это важное свѣдѣніе въ главную квартиру съ новымъ моимъ помощникомъ, грекомъ Николаемъ Крумувалійцемъ, а самъ остался ожидать конца этой кровавой эпопеи.

23-го ноября въ городѣ прошелъ слухъ, что войска уже оставляютъ Плевну. Я сидѣлъ въ кафейной, когда нѣсколько турокъ рассказывали, что орудія изъ Упанца и Бали-Баира вывезены и поставлены у моста черезъ рѣку Видъ на Софійской дорогѣ. Полагая, что Османъ-паша, началъ приводить въ исполненіе рѣшеніе военного совѣта ранѣе назначеннаго числа, я поспѣшилъ лично удостовѣриться и отправился къ мосту. Тамъ, дѣйствительно, стояло восемь орудій, но съ поврежденными станками. Множество солдатъ и болгаръ работали надъ очисткою шоссе, но другихъ признаковъ оставленія Плевны не было и я пошелъ обратно въ городъ. Со мною былъ пустой лотокъ; рахатъ-лукумъ разобрали солдаты безъ денегъ, обѣщая заплатить въ Софіи, если я поѣду туда за ними.

Отъ моста до города — не болѣе четырехъ верстѣ. Было уже темно, когда я возвращался домой, и чтобы не свалиться гдѣ нибудь съ обрыва, нарочно придерживался правой стороны дороги.

Впереди уже мелькнули огоньки города, какъ вдругъ, я падаю въ какую-то яму довольно глубокую и обширную съ совершенно отвѣсными краями. Я свалился на какіе-то мягкіе предметы, распознать которые сразу никакъ не могъ. Къ счастью, у меня были съ собою спички. Зажигаю одну, присматриваюсь.... Боже мой! какая ужасная

картина! Я стою на человѣческихъ трупяхъ, которыми завалено дно ямы. Признаюсь, у меня, просто, волосы стали дыбомъ. Какъ съумасшедшій я бросаюсь во все стороны, пробую выбраться изъ этого страшнаго мѣста, но, къ несчастію, края ямы слишкомъ отвѣсны и высоки, чтобы по нимъ вскарабкаться. Я кричу, зову на помощь, — меня никто не слышитъ. Приходится ждать; можетъ быть кто нибудь пройдетъ или проѣдетъ около и поможетъ выбраться изъ этой могилы.

Трудно описать, что я пережилъ въ эти ужасныя минуты. Такія минуты никогда не забываются въ жизни. И теперь, когда я вспоминаю объ этомъ страшномъ эпизодѣ, морозъ подираетъ по кожѣ. Могильныя черви ползли на меня и наполняли мое платье. Въ особенности мракъ, окружавшій меня, производилъ подавляющее впечатлѣніе. Я сознавалъ, что если лишусь чувствъ и упаду, то уже не приду въ себя. Газы, освобождавшіеся отъ мертвецовъ задушили-бы меня на вѣки. Яма была очень глубока; она, какъ оказалось, въ послѣдствіи, ожидала много новыхъ труповъ. Стѣны, размоченныя недавнимъ дождемъ, представляли скользкую плоскость. Положеніе было дѣйствительно безвыходное, въ буквальномъ смыслѣ слова. Попадись на моемъ мѣстѣ человѣкъ суевѣрный или легко подвергающійся галлюцинаціямъ, то его участь была-бы рѣшена и еще одинъ новый трупъ прибавился-бы въ общей могилѣ.

Спички, бывшія при мнѣ сохранили свою силу и я попробовалъ курить, но это мнѣ нисколько не помогло. Газъ, освобождавшійся отъ сильно раздувшихся труповъ, смѣшиваясь съ табачнымъ дымомъ дѣлался замѣчательно удушливъ.

Цѣлую ночь мнѣ пришлось ожидать спасителей. Разъ какой-то всадникъ проѣзжалъ довольно близко, но на мой крикъ — онъ только шибче погналъ коня, принимая, должно

быть, этотъ выходящій изъ подъ земли голосъ за дьявольское навождеііе.

Вонь въ ямѣ была невыносимая. Чтобы нѣсколько облегчить дыханіе, я набралъ въ платокъ земли со стѣнъ и заложилъ ею носъ и ротъ. Этому средству я можетъ быть и обязанъ тѣмъ, что не задохся отъ ужаснаго смрада гніющихъ тѣлъ. До самаго утра я простоялъ на трупахъ, не рѣшаясь садиться.

Когда разсвѣло, картина, которую я до того видѣлъ при слабомъ мерцаніи свѣчки, предстала моимъ глазамъ во всѣхъ своихъ ужасныхъ подробностяхъ. Трупы были навалены въ нѣсколько рядовъ. Повидимому ихъ сюда не укладывали, а просто, бросали сверху. Нѣкоторые почти совсѣмъ разложились и въ нихъ копошились милліоны червей.... Но, дальше отъ этого зрѣлища... И теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я вспоминаю эту ужасную ночь, меня морозъ подираетъ по кожѣ....

Часовъ около восьми утра къ ямѣ подѣхали подводы съ новыми трупами. Могильщики помогли мнѣ обратиться, и, понятно, съ какимъ удовольствіемъ я оставилъ кампанію моихъ ужасныхъ соночлежниковъ. Видя валяющійся на трупахъ лотокъ, у господъ могильщиковъ хватило еще присутствіе духа острить на мой счетъ, говоря, что, должно быть, я жалѣлъ для покойниковъ своего рахатъ-лукуму, потому де меня и угораздило попасть въ ихъ послѣднее жилище. Случай этотъ сталъ извѣстенъ въ городѣ и съ тѣхъ поръ народъ иначе не называлъ злополучнаго мѣста, какъ «Хассанъ-демерджіоглу-лукумъ-мезари» *).

Одежда моя до того пропиталась трупнымъ запахомъ, что около меня стоять не было возможности. Пришлось

*) Хассанова яма.

Ночное падение въ общую турецкую могилу.

Из фондов Российской национальной библиотеки

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Состоящій въ распоряженіи штабъ-офицера надъ вожатыми въ дѣйствующей арміи, уволенный въ 1856 г. изъ волонтеровъ греческаго легіона Императора Николая I кавалеръ ордена св. Георгія 4-го класса и серебряной медали за защиту Севастополя, Константинъ Николаевъ Фаврикодоровъ, по приказанію его превосходительства, начальника штаба журжевскаго отряда генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го, былъ посланъ 31-го мая 1877 года черезъ Сербію въ Рушукъ для развѣдыванія о укрѣпленіяхъ, позиціяхъ и числѣ войскъ; по возвращеніи имъ сообщены были свѣдѣнія: 1) о количествѣ пороха, привезеннаго изъ Салоники въ Рушукъ; 2) о количествѣ запасовъ и продовольствія, приготовленнаго для турецкихъ войскъ; 3) о числѣ арабовъ, ожидаемыхъ въ Рушукъ; 4) о составѣ арміи отправленнаго въ Черногорію Али-паши и числѣ лошадей, закупленныхъ имъ для своей арміи; 5) о прибытіи турецкаго главнокомандующаго Абдуль-Керима въ Рушукъ и его свитѣ, объ отбытіи его въ Силистрію и, наконецъ, 6) подробную таблицу батарей, траншей и количествъ таборовъ низама, зейбековъ, баши-бузуковъ и черкесовъ въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ Виддинѣ, Ломъ-Паланкѣ, Рахово, Никополѣ, Систовѣ, Рушукѣ, Сумонли, Ловча, Плевна, Враца, Клисурса, Берковцы, Бѣлградчикѣ. 26-го іюня 1877 г. Фаврикодоровъ, посланный мною изъ города Систова, для развѣдыванія о положеніи непріятеля сообщилъ о предполагаемомъ движеніи изъ Виддина Османа-паши въ мѣсто, находящееся ниже Бѣлградчика съ 50 тыс. арміей, о встрѣчѣ съ египетскимъ Хассанъ-пашею,

шедшимъ въ городъ Никополь во главѣ 15000 войска съ 32 пушками маленькаго калибра, о встрѣчахъ въ Этрополѣ 2000 черкесовъ и среди поля, гдѣ онъ ночевалъ, съ 10000 баши-бузуковъ, шедшихъ въ Плевну; наконецъ пробравшись въ Плевну для распознаванія состава непріятеля, слышалъ англійскія и иностранныя, не-турецкія слова; пытался проникнуть въ лагерь подъ видомъ продавца рахатъ-лукума, но его туда не пустили; затѣмъ сообщивъ о войскахъ, стоявшихъ въ мѣстностяхъ Сельви-Оглу и Жемаса, добрался до г. Шумлы, освѣдомился объ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ англичанами, о запасахъ сухарей, заготавливаемыхъ въ Проводи и о движеніяхъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Варифъ; оттуда отправился въ Адрианополь, сообщилъ объ укрѣпленіяхъ близъ Адрианополя двухъ селеній, Карагачъ и Демирдечъ, о маршрутѣ, коимъ доставляется провізія моремъ и сухимъ путемъ, и движеніи транспортовъ. По возвращеніи 3-го августа въ Горный Студень, Фаврикодоровъ былъ вновь посланъ мною въ Плевну, 6 августа, первый разъ и 16-го августа, второй разъ, куда и пробрался съ большими трудностями чрезъ три дня, въ ночное время, черезъ берегъ Видда; переодѣтый на мельницѣ въ турецкій костюмъ и обойдя турецкія позиціи, выходилъ на общую дорогу Сыръ-Базаръ и оттуда вмѣстѣ съ турками входилъ въ Плевну. Изъ Плевны сообщены въ первое и второе его проникновеніе въ укрѣпленную позицію свѣдѣнія имъ лично, по возвращеніи, подробно. Посланный вновь изъ селенія Горный Студень въ Плевну 8 сентября, Фаврикодоровъ 24-го сентября прислалъ увѣдомленіе, сообщавшее о положеніи арміи Осман-паши, о продовольственномъ состояніи его войскъ, подробное свѣдѣніе о помощи, поданной имъ Шефетъ-пашой, о количествѣ людей, лошадей, пушекъ и провіанта, привезеннаго съ нимъ въ Плевну 14-го сентября, о количествѣ

запаса хлѣба и фуража, заготовляемаго ими и реквизируемаго изъ семи селъ, указанныхъ имъ; въ своемъ донесеніи подробно и обстоятельно сообщилъ о количествѣ вновь устроенныхъ батарей съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ мѣстоположенія и названій, извѣстилъ штабъ объ устройствѣ къ батареямъ сообщающихъ ихъ между собой глубококопанныхъ дорогъ для маскированія движенія по направленію къ онымъ и обезопасенія подвоза матеріала отъ обстрѣливанія, о результатахъ бомбардированія съ нашихъ позицій, 21-го сентября *объ ожиданіи изъ Константинополя вспомогательнаго отряда и зимняго одьянія*; затѣмъ, Фаврикодоровъ, оставаясь въ Плевно, 27 октября вновь увѣдомилъ меня письменно о положеніи плевненской арміи, о количествѣ уже уменьшившагося гарнизона, о нуждахъ, претерпѣваемыхъ имъ, потерѣ отъ перестрѣлокъ, о порціонахъ, о дезертирахъ, о распоряженіяхъ Осман-паша относительно жителей, о церемѣнахъ въ расположеніи лагеремъ турецкихъ войскъ съ подробнымъ обозначеніемъ магаль, о количествѣ годныхъ къ употребленію полевыхъ и осадныхъ орудій, о расположеніи пороховыхъ складовъ, о числѣ батарей съ указаніемъ сильныхъ и слабыхъ позицій, наиболее удобныхъ для бомбардированія; и, пробравшись съ рискомъ чрезъ усиленные турецкіе форпосты 30-го октября, послѣдній разъ былъ отправленъ 2-го ноября въ Плевно и оттуда *извѣстилъ штабъ 14 ноября о томъ, что Османъ-паша рѣшился прорваться на Софійскую дорогу*.

Во все время служенія, Константинъ Фаврикодоровъ исполнилъ честно и добросовѣстно, по мѣрѣ силъ и возможности, возложенныя на него важныя порученія, рисковалъ жизнью, подвергался лишеніямъ при исполненіи своихъ обязанностей и оказалъ русской арміи услуги, въ особен-

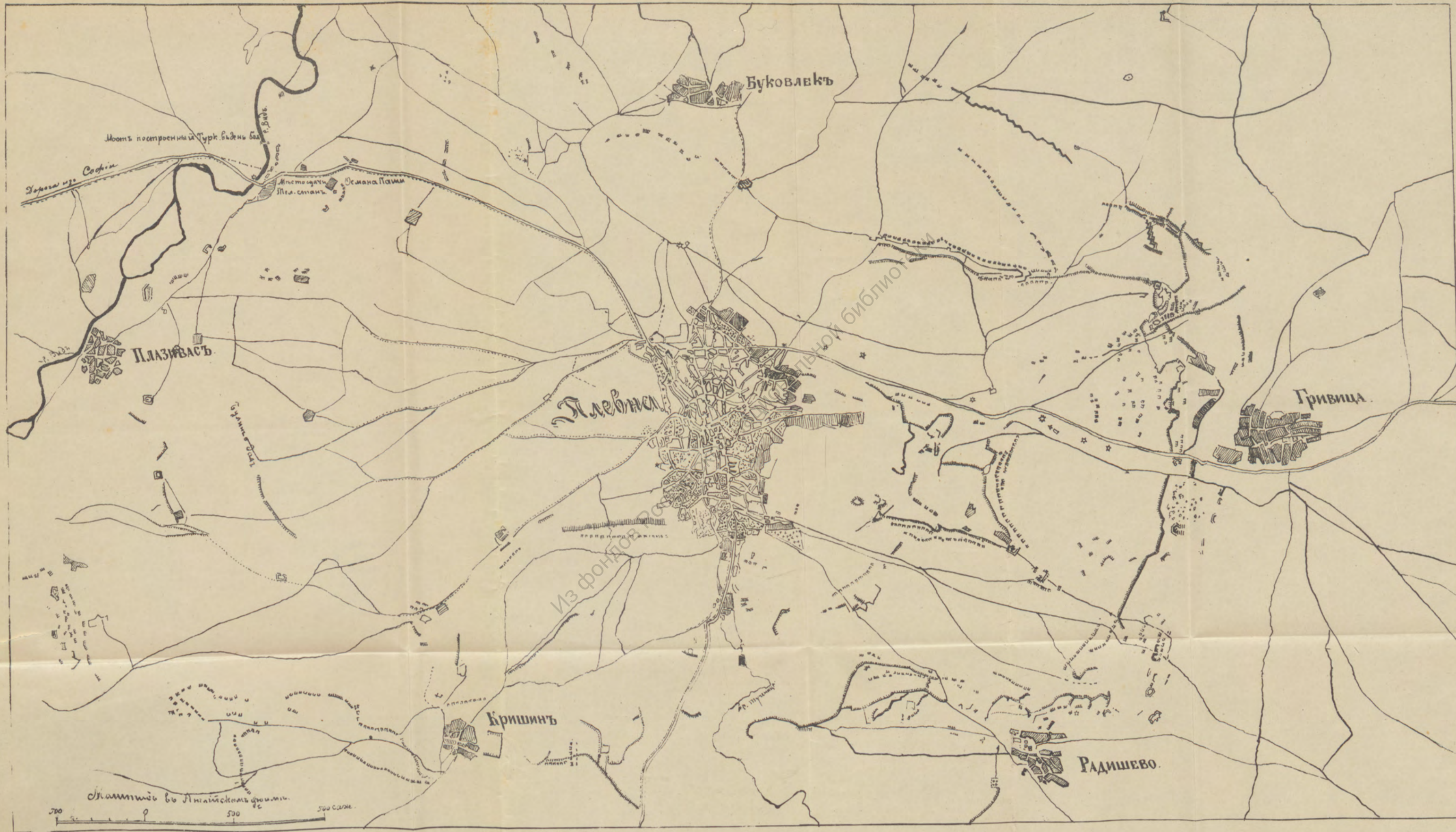

ности имѣвшія большое значеніе во время осады и взятія плевненскихъ укрѣпленій.

Означенный въ семь свидѣтельствъ Константинъ Николаевъ Фаврикодоровъ дѣйствительно доставлялъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ этомъ свидѣтельствѣ во время войны 1877 — 1878 годовъ. Удостоверяю моею подписью съ приложеніемъ моею печати 2-го мая 1879 года. Подлинное подписалъ:

Генеральнаго Штаба полковникъ Артамоновъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Цена 2 руб.

✓

рек

РНБ РУССКИЙ ФОНД

38.76.1.29